Варлок

Автор:

Алексей Шапочкин

Варлок

Алексей Викторович Широков

Александр Игоревич Шапочкин

Fantasy-worldВарлок #1

Кузьму Ефимова ждала слава самого одарённого мага столетия, но безумный эксперимент деда в единый миг перечеркнул все надежды. Теперь его знают только как сильного «воина», тем более что и сам юноша ныне сторонится всего, что связано с магией. И хоть ему предстоит учиться в элитном колледже для детей аристократов, своё будущее он видит командиром отряда наёмников. Вот только всё тайное становится явным, и множество сильных мира сего ныне вынуждены учитывать в своих планах никому не известного мальчишку по прозвищу «Варлок».

Алексей Викторович Широков, Александр Игоревич Шапочкин

Варлок

© Алексей Широков, ?Александр Шапочкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

– Ну что, ребят, справитесь? – менеджер ресторана ещё раз посмотрел на нас, продолжая вытирать руки о вафельное полотенце. – Дам двойную оплату, и ящичек взять сможете!

– Каждому? – скептически переспросил я, ловя на себе удивлённый взгляд Валеры. – С чего это вдруг аттракцион невиданной щедрости, Геннадий Михайлович?

– Вот вечно ты, Кузьма! Такой молодой, а в доброту человеческую не веришь! – наигранно вздохнул толстячок. – Всё подвох ищешь...

– Геннадий Михайлович, давайте без душеспасительных, – вступать в дискуссии на тему доверия я не собирался. – «Ящичек» это к Валере, если он ему нужен, а мне, пожалуйста, как в договоре прописано.

– Михалыч... э-э-э, Геннадий Михайлович, – выпалил парень, – я согласен! Спасибо!

Напарник смотрел на меня с удивлением. Ну, естественно, такое счастье привалило, а я, придурок, отказываюсь. Настоящая, импортная «PeCo-Cola», двадцать бутылок, да ещё на халяву, вдобавок к неплохим деньгам. Впрочем, Токарева можно было понять: парень на два года старше меня, а на это место пришёл совсем недавно и ещё не знал всех тонкостей работы грузчиком у Михалыча. Как, в частности, того, что он не тот добродушный толстопуз, каким желает казаться.

Сделай мне такое предложение Тамара, хозяйка ресторана, я бы согласился, не раздумывая, а так... менеджеру очень не повезло, что сегодня была моя смена. Он знал об этом, я знал об этом, а когда он уйдёт, просвещу и Валеру. Пусть сам головой подумает, брать или нет, но предупредить напарника необходимо, потому как, если что, и полиция пойдёт по его душу, меня тоже не забудут. Это не вызвало сомнений. Щедрость Михалычу была не свойственна. Он и честно заработанные деньги отмусоливал с таким выражением лица, словно от души отрывал и вообще не понимал, чего мы от него хотим и зачем он должен за что-то платить. А тут сам предлагает.

К тому же сейчас мы стояли прямо под усиками объёмных камер, торчащими из стены соседнего здания. И судя по красному огоньку на управляющей блоке, их отключили с центрального пульта. Зато у самого Геннадия Михайловича имелся личный «индикатор», позволяющий точно определить, когда он нервничал – у менеджера сильно потели ладони, и он вынужден был постоянно их обо что-нибудь вытирать. Мысль о том, что толстяк переживал за сохранность ценной импортной газировки, миновала мозг без остановки. Я по опыту работы знал, что это первый признак какой-то аферы.

Все знали, что он подворовывал у хозяйки ресторана, да и сама Тамара наверняка была в курсе, но это их игры. К тому же решался менеджер на это нечасто, но пёр помногу и в основном импорт. То есть то, что можно очень выгодно сплавить на чёрном рынке. Отечественная «Кола особая» или тем более «Байкал» с «Тархуном» были ему без надобности, а вот настоящая американская «PeCo-Cola» – самое то. И отпечатки грузчиков на ящиках, как вишенка на торт.

Впрочем, на роль лоха назначали Валерку, так как лично меня здесь вообще официально быть не могло. Поэтому я не особо переживал. Но перчатки, заныканные в кармане, начал натягивать на руки. Демонстративно.

А Михалыч всё продолжал широко улыбаться. Я же ещё раз посмотрел на стоящий перед нами ГАЗ «Бычок-3» и принялся отпирать запор кузова.

– Наши ящики помечены маркировкой ресторана, – предупредил толстяк, заглянув в ведомость. – И несите их на склад, а потом сразу ко мне.

После этих слов он развернулся и отправился к себе, а мы с напарником принялись пересчитывать ящики, прикидывая объём предстоящих работ. Проще было бы, конечно, воспользоваться автоматическим вилочным погрузчиком, но менеджер настоял на ручном труде. Резонное опасение: грубый механизм может побить хрупкие бутылки из сверхтонкого стекла...

– Кузь! – тронул меня за плечо Валера. – А ты чего отказался-то? Это ж такой дефицит... не прав ты, малой! Надо хватать, пока дают! Да у тебя на районе все чики твоими были бы...

Я поморщился. Не люблю, когда мне напоминают про возраст.

- Не надо, Валера. И тебе брать не советую, - перебил я его и, обернувшись, посмотрел на напарника.

Простой парень из не самой глубокой провинции, правда, проживающий в относительно нормальном районе новосибирского улья. «А там трупы находили лишь по средам», - как пел классик. Неудивительно, что он клюнул на предложение менеджера.

- Не понял!?

- Подстава это, Валера, - улыбнулся я. - Помяни мои слова, недостача будет ящиков двадцать, и у Михалыча ничего не дрогнет показать на тебя.

- Чегой-то? - возмутился он. - Почему именно на меня?

- Во-первых, ты совершеннолетний, а я - нет. Меня здесь вообще нет, я вроде как на кухне разнорабочим помогаю. Поверь, ни Михалыч, ни Тамара не будут палиться на том, что используют в своём бизнесе детский физический труд. А во-вторых, видишь вон те белые таможенные стикеры? - я указал на маркировочную акцизную наклейку. - В ней есть маячок, как и на всех импортных и не реализованных в duty free товарах, проходящих через таможню. Если его немного подкрутить, он будет выдавать местоположение не одной упаковки, а, например, двух или пяти... или ста. Ты ведь не застал Федю Потапова?

- Это которого на воровстве поймали?

- Вот поверь мне, я сомневаюсь, что он что-то реально украл.

- Так чего, этого парня, получается, закрыли, и никто за него не вписался? - насупился парень.

- Почему же, нет, - хмыкнул я, - напарника его следаки долго мурыжили, вот только на суде все доказательства на Федю указывали.

- А ты?

– А что я? Это не мой день был, – пожал я плечами, – да к тому же я реально не в теме. Может быть, он и унёс чего, а может, и нет, у него ж уже и так «условный» висел. К тому же я официально на кухне «подай-принеси» работаю. Я, Валера, могу только догадываться и строить предположения... например, о том, откуда у Михалыча вдруг нарисовался «мерин», на котором он сейчас красиво разъезжает. А доказательств у меня никаких...

– Не! То есть ты промолчал? – возмутился парень.

– А ты реально думаешь, что кого-то интересовало моё мнение? – я удивлённо посмотрел на него.

– Ну, не знаю! – немного притух Валера. – Мог бы и к прокурору сходить...

– Зачем? Я что, на больного правдоруба похож? – жёстко отрезал я. – Вот ты сам, Валера, попёрся бы?

– Ну, э-э-э...

– Вот тебе и «э-э-э». Ты фамилию жены Михалыча знаешь? Бирюкова! А дело вёл первый статс-дознаватель прокуратуры... правильно, Бирюков! Ещё чего-нибудь объяснять нужно?

– Борзый ты какой-то, малой... – пробубнил себе под нос парень, а я сделал вид, что не услышал.

Вместе мы положили на рога погрузчика паллету, и я полез в кузов.

– Подгоняй уровень. Аккуратно!

Работа закипела. Я устанавливал ящики на поддон, складывая их на деревянной поверхности рядами, после чего мы понижали уровень, и Валера по одному переносил их в сторону под навес. Пару раз к нам из самого ресторана выходил экспедитор команды пилотов орбитальной фуры, так, чисто проверить, не побили ли мы чужой груз и не повредили ли арендованного «Бычка».

Этого американца я видел впервые, да и он, похоже, был новичком в наших краях. Заметно, что мужик готовился узреть Российскую Империю такой, какой рисуют её американские СМИ: погружённую в разруху, нищую и злую. Толпы злобных монархистов в серых шинелях с автоматами Калашникова на каждом углу прилагались к порванной в клочки экономике. Так что вид процветающего города обеспечил интуристу культурный шок.

Впрочем, Боб рассказывал мне, что сам был таким же в своё первое посещение Новосибирска.

– Эй, ребята... – произнёс автоматический переводчик, закреплённый на груди американца. – Покуриить нэ хотиитэ? Пэрьекурь у вамь положен?

Слабенький маджи-интеллект в аппарате китайской сборки вполне мог бы говорить нормально, однако русская лингва толком не была откалибрована, а потому сбоила, пытаясь снять разговорную матрицу пользователя и имитировать его произношение на незнакомом языке. Может быть, для орбитального дальнобоя этого вполне хватало, но вот для экспедитора использовать такое – реально странно.

– Я только за! – быстро встрял Валера, отставляя очередной ящик и доставая из кармана штанов пачку «Беломор-премиум». – Кузь, ты как?

– Воздержусь, – ответил я, спускаясь с кузова.

– А, – напарник хлопнул себя по лбу. – Тебе ж шестнадцать ещё только. Мамонька запрещает?

– Ага, – такие подколки на меня совсем не работали, – и я не хочу её расстраивать.

– Оу, можьет, жвачку? Мятный Sunshine! – тут же предложил американец, и я не стал отказываться от халявы.

Хорошие они, в общем-то, парни... поодиночке.

– Нэ глотать, – предупредил он, когда я уже отправил взятую у него пластинку в рот.

Отвечать я не стал, просто вынул из кармана неоткрытую пачку подушечек «Зимний барбарис» и протянул ему. Так проще всего общаться с американцами. Представители самой большой страны на нашей планете почему-то упорно культивируют слухи, что в Российской Империи живут дикие и необразованные люди. Вот и сейчас наш собеседник, не сразу поняв, взял жвачку, покрутил её и, только найдя сопроводительный текст на его родном языке, расплылся в улыбке.

– Thank you! – произнёс он, принимая подарок, и китайский маджин с запозданием перевёл: – Шпасибо!

– Мужик, ты откуда к нам? – спросил Валера.

– Оклахома. Брокен-Арроу, – ответил ему иностранец, по-хозяйски опираясь на матово поблёскивающий красный нос «Бычка», с нанесённым скоростной аэрографией логотипом американской компании-арендатора.

– Ну и как? Выгодно нынче быть дальнобоем?

– Я не дальнобойчик, я экспедитор из «PeCo Company», – пояснил он, улыбаясь во все тридцать два зуба. – Работать с Россией напрямую сейчиас очинь и очинь выгодно для компании, а вот пользоваться услугами посредников – ниет. Так что ми отказались от партниороф.

– Ну и как тебе у нас? – не унимался Валера.

– Хорошо! Погода хорошо, еда, красивый город и диевушки...

Он кивнул головой в просвет между зданиями, выходящий на проспект Маркса, где как раз в этот момент по тротуару шли две обворожительные милашки. Похоже, школьницы, примерно моего возраста. Одна с каштановыми волосами, в лёгкой блузке и короткой юбочке, а вторая, русая, одетая в почти невесомое платье. Улыбаясь, они что-то обсуждали и, раньше чем мы налюбовались на их стройные фигурки, прошли мимо выезда на дорогу и скрылись за углом дома.

– Эх... – вздохнул американец и хотел было кинуть бычок под ноги, но увидев, как Валера пошёл к мусорке, направился следом за ним, на ходу распаковывая мой подарок.

«Ну да, интурист! Правильно делаешь! – подумал я, наблюдая за спиной янки, затянутой в кожаную куртку с нашитым на ней классическим белоголовым орланом. – Вот увидит городской, что окурками разбрасываешься, и вкатит тебе дикий штраф, да ещё в консульство сообщат. Уж не знаю, как там у вас, в Североамериканской Либерократии, а у нас с этим строго...»

Махнув нам рукой, американец вернулся в ресторан, и мы вновь взялись за дело. По ходу выяснилось, что при транспортировке всё-таки случился бой, несколько ящичков подтекали, хорошо ещё, что только наш один, а остальные два предназначались Центральному универсаму. Не трогая и не перемещая повреждённую тару, как и положено, сделали фотки, вызвали менеджера и экспедитора, и уже они совместно заполнили протокол о доставке части товара в некондиционном виде, а заодно скопировали данные с контрольного чипа упаковки.

– Малой, я радио включу? – спросил у меня Валера. – Окей?

– Да врубай, – согласился я, думая о своём.

– Слушай, а я вот всё узнать хотел, – напарник сбегал в подсобку и вернулся с бумбоксом «Вега-250 Модерн». – А чего это ты в грузчики подался? Ну, в смысле, ты же на ресторанной кухне записан? Чё не там?

– Здесь платят больше, – ответил я, опуская ящик на платформу. – Понимаешь, ресторанная кухня с точки зрения найма рабочих рук – вещь практически безразмерная. Ну а мальчик «подай-принеси» – персоне, которой можно положить минимальный оклад. Так что, Валера, официально я в летний период ежедневно по шесть часов вкалываю на кухне, ну а реально работаю грузчиком, через день, когда товар принимаем. За нормальный, взрослый оклад. Понял?

– То есть зарплата у тебя чёрная, что ль?

– Она самая.

- Вот только я не понимаю, малой, а Тамаре в чём с того выгода?

- Деньги на вас, великовозрастных лоботрясах, экономит, - я ухмыльнулся. - Соцвыплаты, пенсионка, страховка, поощрительные и так далее. Список дополнительных затрат на нормального работника огромный, а я получаю только то, что заработал - и вуаля, все счастливы.

- Ты языком об этом чесать не боишься? Вдруг я кому надо маякну, и будут у вас всех проблемы...

- А ты расскажешь? - я с интересом посмотрел на немного стусевавшегося парня.

- Ну нет, но...

- А зачем тогда болтаешь?

- Да я просто... - В этот момент радио соизволило включиться, и двор огласил противный голос певца, известного как «Тасяся Боц».

- Ты любишь - меня! - завизжал он, извергая из маленькой коробочки свой скрипучий и очень немелодичный голос. - Я - люблю тебя! Вместе мы пара... нам не до пер...

Валера отчаянно тыкал на кнопку смены канала, страстно мечтая отключить Тасясю, но как назло коробочка была чисто автоматической и не желала прощаться с исполнителем до тех пор, покуда не поймает чёткий сигнал другой станции. Наконец эпатажный Боц смолк, что-то щёлкнуло, и заиграл аккордеон.

- К космосу от бога, вам лежит доро-о-ога! - лихо запел знакомый мне голос. - Лети и не грусти, что я здесь остаюсь! Увидимся ещё! Ведь я тебя дождусь! Ой - Землёю я зову-у-усть!

Вот это уже было даже неплохо. Под Гришку Находилова, который сочинял свои песни в довольно необычном жанре деревенского фолка, работалось легко. Пусть его мелодии сложно отличить одну от другой, зато слова - трогали, да и тексты были вполне себе на уровне.

Под музыку работа спорилась, и когда начался блок новостей, сделали очередной перекур. Диктор – женщина с приятным, чуть хрипловатым голосом быстро пробежалась по международным делам и перешла к столичной хронике. Вообще на этом канале довольно много внимания уделяли тому, что происходило в Аркаиме, почти полностью игнорируя как провинциальную Москву, так и Санкт-Петербург, хотя жизнь в бывших столицах кипела и бурлила, в отличие от нового центра России.

В общем-то, это было неудивительно. Заложенный по повелению его императорского величества Святослава Андреевича Вершинина в две тысячи тридцать первом году город пока что представлял собой одну большую стройку века, уже четыре года высасывающую деньги из бюджета страны. Величественный дворец с гигантским куполом, возведённым над древними развалинами, практически пустовал, окружённый особняками и резиденциями, в которых несомненно ещё появятся настоящие жители. Нет, конечно же, там постоянно присутствовали представители практически всех более-менее значимых кланов, в том числе и правящего рода, но только как наблюдатели за проведением работ. Обычных жителей ждали не раньше чем года через три, когда закончится возведение жилых микрорайонов и инфраструктуры. Хотя, судя по информации с сайтов агентств недвижимости, почти все квартиры уже были выкуплены теми, кто держал нос по ветру.

Так что все эти отчёты о прогрессе возведения значимых зданий, количестве проложенных дорог, а также сплетни типа, чей посол на кого посмотрел и что новоявленный великий князь ел сегодня на завтрак, были, по всей видимости, фишкой этого конкретного радио и по большому счёту населению неинтересны. Куда больше всех занимало негласное соревнование между странами – чья новая столица будет закончена первой: русский Аркаим, североамериканский Рэм, возводимый в Йеллоустоново-Кальдере, или Тайный Город Мао, который китайцы ускоренными темпами отстраивали в горах Тяньчжушань.

В гонке, постоянно подогреваемой разнообразными оракулами и прочими последователями Ванги и Нострадамуса, были, конечно, и другие претенденты, однако всерьёз воспринимали лишь англичан, да и то только потому, что оценить размах строительства их Греатвиля не представлялось возможным. Графство Уилтшир с момента смены династии стало самой закрытой территорией в этой и без того таинственной стране, а уж что творится у Стоунхенджа, можно было только догадываться.

Нет, я не сомневался, что и его императорское величество, и североамериканский президент и председатель дао прекрасно осведомлены обо всём происходящем на островах. Известно было, что король Мерлин XVI лично отдал приказ информировать сильных мира сего, потому как панически боялся вторжения на острова объединённых войск Триумvirата, однако для иностранных граждан, туристов и даже журналистов проявлять интерес к Греатвиллю, находясь на территории Новой Британии, было запрещено под страхом смерти.

- Эх, - вдруг тяжело вздохнул Валера. - Хорошо было бы родиться с даром. Таким не нужно тягать целый день ящики, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Вот ты бы какую силу хотел?

Я промолчал, сделав вид, что не услышал вопроса. Во все времена люди завидовали тем, кому вроде как «повезло» в первые секунды жизни, однако в последние тридцать лет основной причиной для этого стали не положение родителей или семьи, а нечто другое. К сожалению, лично я точно знал, что всё это досужие домыслы.

- Слышь, малой? - напарник не собирался отставать. - Что бы ты выбрал? Огонь? Воду? Или может...

- Медные трубы, - немного раздражённо ответил я и, надеясь, что Валера отвяжется, присосался к бутылке с минеральной водой «Ессентуки».

- Не, Кузь, ну я же серьёзно!

- И я тоже! Никакую бы не хотел. Мне и без них хорошо.

- А чё так? - парень, кажется, реально удивился. - Эх... Такие перспективы бы открылись! Женщины, деньги, высшее общество... и каждый день на ужин не бич-пакет, а бутерброд с маслом и толстым слоем чёрной икры.

- Ага, - фыркнул я, - а потом тебя, как Верещагина, воротить от неё, проклятой, будет!

– Да прям! Не знаешь ты жизни ещё, малой, – махнул на меня рукой вроде-бы взрослый, но всё ещё наивный парень. – Это прямой билет в высшее общество, брат!

– Знаешь, Валера, – я даже немного рассердился, – люди и без дара прекрасно живут, входят в элиту государства и вовсе не бедствуют! Вот ты – хочешь силу?

– Естественно, – фыркнул мой собеседник.

– Ну так вместо того чтобы вечерами пивасик сосать и сигареты садить, походи в какую-нибудь секцию. Через годик-полтора раскупоришь Муладхару – вот и будет тебе и сила, и билетик, и всё что хошь!

– Мля! Это, брат, не то! – горько усмехнулся он. – Я что, больной, жопой кверху столько времени торчать! Секция-фигекция – ты пойми, несправедливо это! Одним всё и на халяву, а таким как мы с тобой – шиш на постном масле! Да и не то всё это! Малой, ты пойми – у них «магия»! А после твоей йоги – что будет? Всё тот же кукиш! Да тебя любой урод с даром в порошок сотрёт, неважно, открыл ты в себе свою Мудохару или нет.

– То есть саморазвитие – не твой путь? – хмыкнул я, уже откровенно веселясь. – Чакры тебе открывать не хочется, а нужно всё и сразу? Да ещё и за красивые глазки?

– Да ну тебя, школота позорная, – Валера сплюнул и отвернулся. – Вот подрастёшь, поймёшь, что ты человек второго сорта, тогда вспомнишь умных людей.

– Ты за языком-то следи? – дружелюбно посоветовал я в спину напарнику. – А то отхватить, знаешь ли, и неударённого – как нечего делать.

– Это от тебя, что ль? – парень презрительно покосился на меня и снова сплюнул. – Ты чё быкуешь, шкет? Берега попутал? Так я ща...

Чего он там собирался сейчас сделать, я так и не узнал. Мимо нашего выезда на проспект Маркса с рёвом пронеслась чёрная иномарка, за ней такого же цвета джип, и тут же раздался слитный визг тормозов, удар и пронзительный женский

крик. За ним ещё один.

Из подсобки выглянул встревоженный Михалыч, а мы с Валерой, не сговариваясь, побежали к выезду. Нам открылась ужасная картина. Иномарка, оказавшаяся стареньким «Bentley Flying Spur», стояла поперёк тротуара, возле погнутого столба автобусной остановки торгового центра, а вокруг неё и ближе к лестнице лежали люди. Кто-то страшно стонал и пытался встать, однако большинство оставалось неподвижными.

Над телами уже суетились прохожие, пытаясь оказать пострадавшим посильную помощь. Чуть подалее стояла женщина, судорожно сжимавшая побелевшими пальцами телефонную трубку. Навзрыд плакал ребёнок, маленький мальчик в заляпанной кровавыми брызгами беленькой рубашечке, опустившись на колени и теребя дрожащими руками лежащее навзничь тело. От торгового центра к месту аварии уже бежали люди, кто-то кричал, требуя срочно вызвать «скорую помощь».

Чуть в стороне в шоке застыли две уже виденные мною сегодня молоденькие девушки. Пакеты, которые они держали, вывалились из ослабевших пальцев, и покупки рассыпались по земле, а они словно замороженные смотрели на картину трагедии, не в силах даже пошевелиться. Светленькая, видимо, придя в себя, сделала неуверенный шаг вперёд, к сидящему на земле ребёнку.

– Братан... – взволнованно прохрипел Валера, дёргая меня за руку, – не стой столбом! Валить надо...

В общем-то, он был прав. Дело в том, что это явно не рядовая авария. Из остановившегося джипа, как и из самого седана, выбрались пассажиры. Все как один бритые налысо, в тёмных очках и чёрных костюмах поверх белых рубашек. Эдакие стереотипные безликие телохранители, штампованные бодигарды, словно бы сошедшие с экрана какого-нибудь американского фильма. И намерения у них были весьма немирные.

Четверо тут же бросились к девушкам и, схватив их, потянули к джипу. Трое других неспешно, словно бы нехотя, достали из салона оружие, и не «калаши», как можно было бы ожидать, а австрийские Steyr AUG и, недолго думая, открыли беглый огонь по людям, пытавшимся помочь раненым, и успевшей собраться у торгового центра толпе. Ещё один, водитель внедорожника, просто стоял рядом

с дверью своей машины и равнодушно взирал на происходящее.

Сквозь противный стрёкот иностранных штурмовых винтовок до меня доносились крики раненых и стоны умирающих. Началась паника, и люди бросились врассыпную, а уроды в чёрном стреляли в любую движущуюся мишень, а меня словно бы переключило от накатившего страха. Да что там – настоящего ужаса.

Я стоял и смотрел на творящуюся вакханалию, и пусть внутри меня всё бурлило, не в силах был даже пошевелиться. Такую страшную картину я видел первый раз в своей жизни, и всё никак не мог поверить в реальность происходящего. В то, что кто-то действительно мог решиться устроить кровавую бойню в самом центре Новосибирска.

– Малой, валим! – надрываясь, проорал мне в ухо напарник и с силой потянул в переулок, однако я уже находился в том состоянии, когда сдвинуть меня с места было выше сил простого неударённого человека.

Девушек, несмотря на их отчаянное сопротивление, уже почти затолкали в джип, когда до меня донёсся вой полицейской сирены. Через несколько секунд с одной из улиц вынырнули два патрульных «УАЗ-Патриота» и, ревя, понеслись к торговому центру, и в этот момент ожил восьмой бритоголовый, до сих пор никак себя не проявивший.

Он медленно протянул руку перед собой, что-то произнёс, я успел различить, как шевельнулись его губы, и тут же первую машину служителей правопорядка поглотил разрыв магического пламени. Через пару секунд запылала и вторая, а уничтоживший их маг вновь стал апатичен к происходящему.

Я же чувствовал, что сам сейчас взорвусь. С одной стороны, за эти мгновения страх улетучился, словно бы его никогда и не существовало, а вот тело всё ещё не осознало этого и не слушалось. Ему словно бы требовалось, чтобы кто-то отключил предохранитель, который я когда-то давно установил сам себе. И один из бритоголовых, вооружённый винтовкой, сделал это, сам не понимая, что натворил.

Маленький мальчик всё так же сидел на мостовой, пытаясь растолкать погибшую родственницу, а этот моральный урод, явно красуясь, неторопливо

прицелился прямо ему в голову. И именно в этот момент я потерял остатки самоконтроля, которым так гордился, а тело словно бы само собой начало двигаться, навсегда губя ту тайну, которую я хранил как зеницу ока с самого детства.

Возможно, будь я взрослее, я смог бы перебороть себя и поступить если не «правильно», то так, как было бы лучше конкретно для меня. Никто бы не осудил такого, как я, потому как не знал моего секрета. Он вообще был известен только одному человеку, который к тому же уже успел забрать его с собой в могилу. Однако юношеская импульсивность и пережитый страх не позволили мне рассуждать «здравомысленно», и случилось то, что случилось.

Где-то далеко позади вскрикнул от боли в обожжённых ладонях наивный парень Валера, так мечтавший иметь «силу» и быть вхожим в элитарное общество. Впрочем, мне некогда было извиняться. Мгновение – и я оказался перед бритоголовым трупом, который даже ещё не подозревал того, что он уже мертв. Короткий удар правым кулаком снизу-вверх, почти от бедра, и мёртвое тело на огромной скорости, кувыркаясь безвольной куклой, улетело по высокой дуге куда-то в сторону улицы Ватутина.

Я не наблюдал за ним. Мне было всё равно. Ударом локтя той же руки, сверху вниз на повторном движении, пришедшему стоявшему рядом ещё одному вооружённому лысому, я просто смял его тело, разрывая плоть и ломая кости и тут же левой рукой нанёс дистанционный энергетический удар по третьему, да такой мощи, что человек лопнул, словно наполненный водой шарик.

Одной из девчонок удалось вырваться, державший её бугай замахнулся и тут же осел на землю со сломанной шеей, по которой пришёлся удар моей раскрытой ладони. Впрочем, он всё ещё стоял на ногах, когда быстрый тычок кулака навсегда остановил сердце его товарища, а затем от лёгкого шлепка ещё один похититель взмыл высоко в небо.

На него мне было уже плевать, если он не погиб от этого удара, то гравитация планеты закончит начатое. Меня больше интересовал предпоследний из бритоголовых, который оказался шустрым малым, явно открывшим две, а то и три чакры, а потому успевшим среагировать и отскочить в сторону. Впрочем, воевать врукопашную со мной желанием он не горел. Рука его нырнула под лацкан пиджака, извлекая из кобуры пистолет. Кажется, это был Glock-17, хотя я мог ошибаться. В любом случае подобное действие было его фатальной

ошибкой.

В бою с «воином» моего уровня следует уповать на то, что уже есть у тебя в руках. Пистолет или нож – неплохо, возможно, это хоть как-то поможет. Если же ты безоружен – дерись как есть, и, может быть, тебе воздастся. Однако не дай бог попытаться вытащить короткоствол или достать клинок из ножен. Даже если они расположены очень удобно, а ведь у него была тактическая кобура скрытого ношения.

Я даже не стал с ним возиться. Отвлёкся – получи! От пинка ногой он улетел напрямик в стену торгового центра, на которой и распластался, словно мошка на ветровом стекле несущегося на полной скорости автомобиля. Вот только и я оплошал, прыгая с этими товарищами, как первогодка из школьной секции перед профессиональным боксёром.

Не то чтобы я забыл о маге. Просто нельзя было оставлять подобного противника на потом, ведь судя по творимым им заклинаниям, он уже мог дышать Анахатрой, ну или как минимум вплотную подошёл к раскрытию этой четвёртой чакры.

Впрочем, меня предупредили. И это была не «интуиция» – подобная широко распиаренная в фантастике штука далеко не всегда срабатывает в нужный момент. Я услышал предупреждающий вскрик одной из девушек и тут же метнулся в сторону всё ещё сидящего на земле ребёнка, разворачиваясь и нанося энергетический удар по тому месту, где я только что стоял и куда сейчас стремительно нёсся жёлтый огненный шар.

У меня лишь успела мелькнуть мысль, что, если бы пламя было голубым или хотя бы фиолетовым – тут бы всем нам наступил большой карачун. Огненный шар, он же Fireball, всего-навсего боевое утилитарное заклинание объёмного взрыва. Им редко когда метят непосредственно в противника, обычно целью служит земля под его ногами, так что я точно знал, куда прилетит этот снаряд. Цвет горения самого болида определяет в первую очередь скорость его полёта и поражающие возможности. Я просто не успел бы ничего сделать даже с фиолетовым, и надо ли говорить, что накрыло бы и меня, и девушек, и самого мага.

«Мать-перемать! Девушки! – я в бессилии скрипнул зубами. – Они же всё равно попадут под раздачу, а я уже вообще ничего сделать не могу!»

И только тут я соизволил заметить неприметные колечки на пальцах у красавиц. Небольшие печатки с шести- и десятилепестковым цветком – стилизованные изображения второй чакры Свадхистханы и третьей Манипура. Да и в руке темноволосая сжимала не смартфон, как-то могло показаться на первый взгляд, а дорогой элитный ПМК – персональный магический компилятор, на котором пыталась нажать на одну из иконок активаторов.

Подружки-то оказались магами. Людьми с «даром», от рождения обладающими открытыми чакрами и способными вдыхать ими море сансары. Да и не из слабых, если, конечно, брать во внимание их юный возраст. Второй и третий круг, или как в России принято говорить – уровень. Темноволосая – посильнее, светленькая послабее, – но тем не менее, если они мои ровесницы, то это очень и очень круто.

Я... я ладно. Скажем так – особый случай. Мне магия и даром не нужна, и не потому что не могу ей пользоваться, а потому что не хочу. Однако вот так встретить на улице двух одарённых...

Всё это я провертел в голове буквально в одно мгновение. Перед вытянутой вперёд рукой тёмненькой появился золотистый магический щит, и тут же полыхнул разрыв огненного шара, на который немедленно обрушилась выпущенная мною силовая волна. Двойной грохот затопил площадь перед торговым центром, и уже спустя долю секунды я оказался перед вражеским магом.

Надо отдать ему должное, он оказался неплохим бойцом. Его явно натаскивали на бой, и с другим противником, даже превосходящим его на круг, он имел все шансы на победу. Тем более он не пользовался компилятором, наверное, следуя специфике традиционных магических школ, так и не принявших ПМК. А потому хоть и был ограничен несколькими раз и навсегда вызубренными и доведёнными до автоматизма заклинаниями, мог кастовать их гораздо быстрее классического мага. Уж я-то знал, потому как сам был таким же, но совсем по другим причинам.

К тому же урод был необычайно сильным огневиком. Новости про таких магов, делающих всё по старинке, нет-нет да появлялись в средствах массовой информации. Их прозвали ведьмами и ведьмаками, как бы намекая на «деревенский» подход к волшебству. Одной из отличительных черт этих товарищей была возможность применять заклинания только своего аспекта. И то, что он при мне использовал две различные боевые вязи огненной стихии –

уже давало повод записать его в ряды каких-нибудь сектантов.

Нанося серии быстрых, но сильных ударов, я всё никак не мог выбросить из головы то, что они здесь натворили, и главное – зачем? Впрочем, ответ на последний вопрос был очевиден – хотели похитить девчонок. Однако почему тогда не отобрали их компиляторы? Не успели? Или он как-то блокировал их чакры, до тех самых пор, пока я не отвлек его, и он не вынужден был атаковать именно меня. А вся эта бойня? Попытка шокировать таким образом магичек, или, быть может – целенаправленная акция, провести которую требовалось независимо от результата похищения?

«В любом случае... – подумалось мне в то время, как перестав избивать и без того уже похожего на бесформенный кусок мяса ведьмака, я одним движением снёс ему голову, – я не только выдал свой секрет, совершил преступление, но, что намного хуже, влез в какие-то разборки магических кланов. И вот это – не просто песец... Это откормленный, наглый и толстый, пушной зверёк!»

Развернувшись, я наполнил свои ноги силой и единым прыжком оказался на крыше торгового центра. Рывок, и я перелетел на соседнюю, а затем на следующую, и ещё дальше, вглубь кварталов со старыми, назначенными под снос пятиэтажками. На лету содрал с себя перемазанную в чужой крови рубашку и, спустившись на землю возле маленького парка, спрятавшегося за рядами домов, сломя голову понёсся в сторону Октябрьского моста. На улице стоял конец августа, так что на бегущего парня с голым торсом не обратят особого внимания, тем более центральный пляж был не так уж далеко.

В голове настойчиво вертелся план действий. Для начала следовало уйти как можно дальше, по возможности не попадаясь на глаза прохожим. Затем, заглянув в общагу, – уезжать из Новосиба.

Подальше от цивилизации, а значит полиции, городских и прочих органов, которые теперь непременно заинтересуются моей персоной, а то и вовсе решат повесить всех собак. Конечно, они быстро выяснят, кто я и откуда, и обязательно нагрянут в ту глушь, куда в своё время из Подмосковья перебралась наша семья.

Вот только власти могут сколько угодно ползать по тем болотам, перерывая в поисках Кузьмы Ефимова каждую кочку, меня они там уже не найдут. Я не намеревался возвращаться, собираясь воплотить в жизнь детскую мечту. И

пусть это звучит наивно, но меня привлекали приключения и тайны, которые скрывала в себе Украинская Аномальная Зона.

Правда, минут десять спустя, когда начался отходняк, и я смог рассуждать более-менее здраво, идея пробираться через половину империи в бывшую Украину – уже не казалась такой привлекательной. Огромная территории от Днепропетровска до Карпатских гор, полностью захватывающая Молдову, часть Белоруссии, а также земли, некогда принадлежавшие Польше, конечно, манила своими загадками, но...

И всё-таки мысли о том, что меня могло бы ждать, доберись я до Зоны, – успокаивали. Как минимум забивали голову, позволяя не думать о том, что совсем недавно, впервые в своей жизни, я убил человека. И не одного – восьмерых, пусть даже они были законченными подонками.

Глава 2

Окончательно меня накрыло во дворах, за Студенческой. Руки тряслись, ноги стали ватными, а в голове гремели колокола. Прежде чем меня вывернуло наизнанку, я из последних сил добрался до ближайшей урны и словно утопающий схватился за её ободок, чувствуя, как под пальцами хрустит и мнётся металл.

Остановиться сумел лишь, когда желудок отдал всё, что в нём было, а во рту ощущался устойчивый вкус желчи и какой-то кислоты. Вот тут я помянул добрым словом экспедитора-американца, с его тягой нести свет и блага цивилизации дремучим народам за пределами североамериканского континента. За счёт химических наполнителей вкус иностранной жвачки был гораздо сильнее, нежели у отечественной, но это было именно то, что нужно в данный момент.

С трудом отпустив бортик, я дрожащими пальцами разорвал упаковку и разом запихнул все оставшиеся там пластинки в рот. Заработал челюстями и почувствовал облегчение, ощущая, как отступает мерзкое послевкусие.

На удивление монотонный процесс пережёвывания не только помог мне успокоиться и всё-таки принять тот факт, что я стал убийцей восьмерых человек, хотя людьми их назвать было сложно, но и запустил, наконец, нормальную мозговую деятельность. Например, мне самому стало интересно, куда это я мчусь сломя голову, когда следовало бы собраться и выработать нормальный план действий. Потому, доковыляв до ближайшей лавочки, я уселся на неё и стал думать, что делать дальше.

Прежде всего возник вполне разумный вопрос – а чего, собственно, я вообще убегаю? Что может мне грозить в случае, если меня повяжут? Точнее попытаются, так как сомнений в том, что сумею отбиться от большинства супостатов – не возникало. При условии, конечно, что будет приказ взять живьём, а шансы на это были тем ниже – чем дольше я бегал от полиции.

Логика здесь довольно простая: скрылся с места преступления – значит, в чём-то виноват, а если нет – то почему продолжаешь бегать? У правоохранительных органов просто сработает «служебный инстинкт», присущий многим хищникам: раз драпает со всех ног, значит, нужно догонять. А это означает, что будут жертвы и, возможно – трупы. Всё же мой Наставник – отец Алексей, отлично вымуштровал своего последнего ученика, и, как показали сегодняшние события, я могу не только доморощенно философствовать и поколачивать безобидную гопоту, но и убивать.

Но тут такое дело, что трупы полицейских мне не нужны. От слова «совсем», так как это путь в одну сторону. Всё же я не дурак, чтобы воевать со своим родным государством, а потому если поймают, то сопротивление представителям власти оказывать я не буду. Вот и возникает вопрос: а на кой ляд вообще понадобилось убегать?

Что мне в принципе могут предъявить? Убийство? После такого количества трупов со стороны уродов в чёрном? Очень сомневаюсь. Согласно закону о самообороне, просто одного вида оружия было уже достаточно для моего оправдания... хотя, конечно, если вдруг объявится какой-нибудь суперюрист со стороны лысых, он вполне может попробовать выкрутить руки Фемиде таким образом, что именно я окажусь виноват во всех грехах, а мои невинные жертвы просто превентивно оборонялись, опасаясь за свою жизнь и чувствуя моё скорое нападение.

Я невесело усмехнулся. Глупость, конечно, однако, наверное, залы судов слышали и не такие извращённые логические конструкции.

Что ещё могут припахать? Соучастие в нападении? Бред! Тем более что у меня есть алиби. Валера хоть сам в полицию не побежит, не тот у него склад характера, вряд ли что-то станет скрывать, когда к нему придут и прижмут его к ногтю. А это будет обязательно, не стану же я прятать такого важного для меня свидетеля. Да и Михалыч нас с ним видел...

Значит, остаётся лишь вопрос с моими способностями. Так, стоп, машина! А что могли увидеть случайные свидетели или девчонки-магички? Скорость, силу? Ну... воин третьего, максимум четвёртого уровня, то бишь «Есаул» или «Ротмистр». В принципе, в этом не было ничего необычного. В школе нам все уши прожужжали о самосовершенствовании, так что надо будет – выкручусь.

Другой вопрос, что предполагалось это делать под неусыпным контролем государства. Открыть частную спортивную молодёжную секцию было невероятно сложно. Для этого требовалось получить множество разрешений и пройти серьёзные экзамены... А всё потому, что подобные заведения нынче имели очень веское влияние на умы учеников, вот и опасались появления разнообразных полурелигиозных организаций и откровенных сект. Одна история со «Свидетелями непорочного зачатия» чего стоила...

Физическое совершенствование тела, наряду с ежедневными медитациями, являлось единственным возможным путём разблокировать закупоренные у большинства людей чакры. При этом, к сожалению, сложно было проконтролировать, что именно вливают в голову своим подопечным разнообразные «мастера стиля кислых щей», которые словно грибы после дождя появились в стране в послевоенный период.

Ныне же по каждому ученику, совершившему прорыв, тренер отчитывался в вышестоящие инстанции – иначе вполне можно было попасть не только под административную но и уголовную ответственность. Одарённые, как воины, так и маги, были опорой Империи, сами по себе являясь грозным оружием. Никто не хотел, по недосмотру, получить новую «Зону» прямо на территории своего государства, а потому допускать бесконтрольное существование одарённых Император не собирался.

Стоп! Я чуть не хлопнул себя по лбу. Был же ещё энергетический выброс, когда я пытался остановить огненный шар колдуна нападавших.

Так! Надо вспомнить все подробности! Вплоть до секунды! Может быть, мне всё же удастся отмазаться...

Я сел поудобнее, добиваясь максимального комфорта, и прикрыл глаза. Целенаправленная медитация дело тонкое, в идеале ничто не должно отвлекать практикующего, хотя, вспоминая методы Наставника, теперь я, наверное, смог бы войти в состояние просветления даже на раскалённой сковородке.

Секунда, другая – шум окружающего города стих, сменившись сначала привычным ощущением пустоты, а затем меня захлестнули волны Моря Сансары. Справиться с потоками энергий – вот что было самым сложным. Там, где другие выбивались из сил, чтобы почувствовать хоть один поток, хотя бы слабую струйку – я захлёбывался. Оттого и держал чакры в максимально прикрытом состоянии, каждый раз поминая добрым словом отца Алексия, взявшего шесть лет назад под крыло испуганного, буквально сгорающего в прямом смысле этого слова мальчишку. Кстати, весьма возможно, что своим вмешательством в мою жизнь он предотвратил прорыв почище украинского – спасибо родному дедушке, чтоб этому старому хрычу икалось в обед.

Нахлынувшие воспоминания выбили из медитации, и пришлось начинать сначала. Однако в итоге я сумел по секундам воспроизвести произошедшее пятнадцать минут назад. Всё же в горячке боя на многое не обращаешь внимания.

То, о чём я волновался до этого момента – теперь казалось сущей мелочью. Девочка как раз активировала вязь щита, так что смещение взрывной волны легко можно было списать на парный всплеск силы. А вот как мне объяснить разорванного в клочки одного из нападавших? Если бы я его коснулся хоть кончиком мизинца – так ведь нет! Шарахнул сдуру метров на десять... А силовые дистанционные атаки, тем более возможность пользоваться заклинаниями у нас – «воинов», начинались с уровня «Бригадира». Хотя...

Как говаривал Наставник: «всё от зашоренности мышления». Мог я бессознательно садануть, потратив на это все силы? Мог... отчего нет? Тем более никто не знает, чему меня учили. Единичный выброс вполне сможет

вписаться в легенду «дикаря». Вот только... подобные мысли и поиски отмазки, означает ли это, что я уже внутренне готов к тому, что меня поймут? И альтернативы нет? А ведь и вправду нет...

Бежать? Смысл? Ни денег, ни документов у меня нет, да ещё и несовершеннолетний к тому же. Даже если допустить, что в ближайшие полчаса личность покуролесившего бойца не определят, и я спокойно смогу забрать значку и паспорт из общаги. И что дальше? К родителям, в Чулым?

Подставлять семью я не буду никогда. Не для того я корячился, таская тяжёлые ящики и позволяя себя молотить быкам из «Медведя», чтобы потом собственноручно создать мамке и младшеньким кучу проблем. А может, и правда, к наёмникам податься? Так они меня первые и сдадут, стоит объявить кому-нибудь награду за мою голову. Кто я им? Да никто, так, умелый мальчик для битья, а обещание взять в отряд... пока это не более чем слова. И что у меня остаётся? Дед? Там – да, не достанут. Но я скорее отгрызу себе ноги по колени, чем хоть шаг в его сторону сделаю, тем более по собственному желанию.

Зато, если я явлюсь добровольно, меня, конечно, помурыжат допросами, сто процентов заставят сдать квалификацию на уровень, отчитают за то, что не сделал этого раньше... наверняка погонят на обследование и тесты, но тут ещё можно пободаться, и... да и, в общем-то, всё. За информирование о несовершеннолетнем ученике отвечает Наставник, а мой уже год как преставился. А больше мне и предъявить-то нечего.

Побег – да глупости! Увидел, что натворил, испугался, сбежал, потом пришёл в себя и сразу же явился в полицию. Нет – опять стоп! Вначале дополз до дома, отдохнул от энергетического выплеска, а затем уже явился, как лист перед травой! Именно так и никак иначе.

Медитация, вкупе с принятым решением, придала сил. И к остановке я выходил уже абсолютно спокойным, с готовым планом действий. В первом же ларьке купил минералки и прополоскал рот, наконец, окончательно избавившись и от последствий тошноты, и от столь же мерзкого бананового привкуса иностранной жвачки. Восемь чужих жизней на счету меня теперь волновали гораздо меньше, чем продукция американского хиппрома. Может быть, потому, что, вспомнив все подробности случившегося, я лысых вообще за людей более не считал.

* * *

Начальник полиции города Новосибирска Николай Максимович Доронин с Магической войны не ощущал себя на волоске от смерти. Разумом он прекрасно понимал, что его непосредственный руководитель, генерал-лейтенант Юрий Аркадьевич Якушев, великолепно умеет держать себя в руках и никогда не срывается на подчинённых. Всё же без железного самоконтроля невозможно достичь самых высот в пути воина, а уж чтобы стать комиссаром, если использовать полуофициальные названия рангов, взять и удерживать шестой уровень, то тем более! И всё же было жутковато от соседства с кем-то, способным в одиночку уничтожить целый городской район.

Да и гость, устроившийся в кресле, положив ногу на ногу, и покачивающий лакированным штиблетом, начищенным до такого блеска, что свет ламп, отразившись в нём, резал глаза, не способствовал душевному равновесию. Кого-кого, а магов Доронин не любил. Особенно высшие ранги. Особенно – вот таких, с титулом, владеющих огромными состояниями, со своими ручными армиями, готовыми по первому щелчку устроить небольшую, но вполне легальную войнушку. И уже тем более, когда от него ждали ответов, а сказать ему было в общем-то нечего.

Генерал-майор сглотнул и принялся докладывать.

– За прошедшие полтора часа нами проведены все возможные мероприятия по происшествию на углу улиц Ватутина и Новогодней. Собраны записи со всех камер, опрошены все, из чьих окон хотя бы теоретически возможно увидеть место происшествия, задействован план «Перехват». Сейчас обрабатываем с десяток версий и расширяем радиус поисков. К сожалению, полученная информация на данный момент крайне скудна...

Доронин вздрогнул, когда гость поменял позу. Ведь вроде бы что-то он им доложил, а не сказал до сих пор ни о чём, и все присутствующие это прекрасно понимали. Второй штиблет сверкал не менее первого, однако легче от этой симметрии как-то не становилось. Наоборот, по коже прополз мороз, словно бы он снова оказался на передовой перед последним штурмом Алма-Аты.

Тогда, попав под удар вражеского Эмерита, его батальон за секунду погиб почти полностью. И хоть никакой явной агрессии в сторону начальника полиции никто

не проявлял, у того перед глазами возникли песочные часы, по крупинке отмеряющие срок его жизни. И песка в верхней колбе осталось совсем немного.

– Продолжайте, Николай Максимович, – тяжёлый бас хозяина кабинета заставил тонко задрожать стёкла тройных стеклопакетов, что их производителями, в принципе, считалось невозможным. – Нас интересуют конкретные факты. Семнадцать трупов, попытка похищения двух одарённых девиц, не говоря уже о том, что одна из них возможная наследница клана Федосеевых.

– Я понимаю...

– А ты понимаешь, что дело на особом контроле у Императора? Да? Тогда зачем по ушам ездешь? Вон – Александр Павлович рвётся мстить, а кому, не знает. Не будет результата, нас отправят регулировать движение тюленей в сезон переворачивания пингвинов, а искать преступников он примется сам. Своими методами.

Представив перспективу, генерал-майор с трудом сделал следующий вдох. Прохладный, кондиционированный воздух обжёг лёгкие не хуже арктического ветра. Уж кто-кто, а он прекрасно понимал, что это пророчество вполне могло сбыться. Хотя, если подумать, перспектива оказаться за Полярным кругом пугала не так, как остаться в Новосибирске, если Император даст карт-бланш графу Федосееву на поиски обидчиков дочери. На что способен будет взбешённый отец, обладающий такими возможностями... Этого не хотелось даже представлять.

– Докладываю. Нападающие позавчера прибыли в город по трассе Р-254. Номера автомобилей совпадают, но автоматические камеры зафиксировали их, лишь начиная с Коченёво. Больше нигде и никогда данные машины в нашей области не светились. Федеральный запрос послали, но результат будет не раньше чем через сутки, – Доронину удалось взять себя в руки и говорить спокойным, ровным голосом, хотя один господь бог знал, чего это ему стоило. – Поселились в гостинице «Обь», сейчас там идёт обыск, однако вряд ли удастся что-нибудь найти. Номера выглядят так, будто бы ими не пользовались, даже пальчиков не нашли, хотя известно абсолютно точно, что приезжие провели в них более суток. Из странного – своих комнат они не покидали и ничего не заказывали. Сразу попросили не беспокоить, дескать, устали с дороги, будут отдыхать.

Атмосфера в кабинете не то чтобы разрядилась, но, несомненно, стала более рабочей. Даже маг прекратил действовать на нервы своей мерзкой обувью и невозмутимостью, а принялся что-то быстро печатать на понтном ПМК платиновой серии, впрочем, ничуть не ослабляя внимания.

– Документов, даже тех, что предъявляли при заселении, найдено не было. Машины практически стерильно чистые, нет ни отпечатков, ни каких-либо других следов. То же самое с оружием. Штурмовые винтовки Steyr AUG модели «А3» калибра 5.56, производства Анклава Швейцария Германской Нации. Серийные номера отсутствуют, – заметив удивление на лице начальства, уточнил: – Не спилены, а словно их никогда и не существовало. Отдали на экспертизу, попробуют проверить на нуль-воздействие, хотя, что оно присутствует, я могу и так сказать. Кроме того, есть подозрение, что напавшие были гомункулами. Людей без папиллярных узоров не бывает, а тут у нас сразу восемь. Точнее, семь почти целых и ошмётки от последнего. Ждём более полной информации по результатам вскрытия.

– Для искусственных эти уроды были слишком умны. На сколько действий обычно можно запрограммировать гомункула – пять, десять? Ещё ни разу не слышал, чтобы они могли водить машину или стрелять. Да и вряд ли те, кто промышляет их изготовлением, пойдёт на такое, даже если бы могли. Это тебе не секс-игрушки клепать с внешностью Ангелины Жюли.

– Так точно. Но и отметить с ходу эту версию нельзя. Хотя как минимум один из них – стопроцентный человек. Создать одарённого гомункула ещё никому не удавалось. Сейчас следственная бригада пытается установить хоть какие-то данные о маге, жаль только, что неожиданный защитник превратил его в грудку мяса, да ещё и голову оторвал. – Генерал-майор мазанул взглядом по Федосееву и понял, что переборщил. – Прошу прощения...

– А вот отсюда поподробнее. Поведай-ка нам, что, собственно, известно про этого «героя». Даже не знаю, то ли бежать свечки за него в церкви ставить, то ли оторвать все выступающие части тела и сказать, что так и было. Это ж надо. По силам – явный Ротмистр, а то и Бригадир. И ни одного живым не взял. Как специально, ей-богу!

– К сожалению, перед атакой ведьмак нападавших...

– Именно ведьмак? – заинтересовался гость кабинета. – Может, боевой маг? Мы тоже учили магеми, и вполне умеем кастовать без ПМК.

– Вы лучше меня знаете, что военные, как, впрочем, и иные силовые ведомства, подходят к вопросу выбора крайне утилитарно. Редко когда количество запомненных психоэмоциональных матриц вязи превышает семь штук. Но при этом они подобраны таким образом, чтобы решить максимум задач. Однако у нападающего мы можем видеть обилие атакующих заклятий, одно, помогающее скрыться от наблюдения, и всё. Ни защиты, ни предупреждения об атаке нет. Иначе он не позволил бы убить себя с одного удара. На основании этого наши аналитики пришли к выводу, что подобный набор больше всего подходит ведьмакам из какой-либо секты, всё ещё обучающей одарённых по старинке. Однако версию боевого мага со специфическим набором магем мы не сбрасываем со счетов.

– Логично, с одной стороны. С другой, возможно кто-то из диверсантов? Что там с защитой от наблюдения было? – Якушев задумался, перебирая в уме известные ему группы, отличавшиеся специфичным подходом.

– Нападающий активировал Сферу Отражения, что не позволило чётко зафиксировать момент атаки. Опрос по горячим следам мало что дал. По сути, мы можем опираться лишь на слова баронетессы Катерины Александровны и Юлии Андреевны. Однако на той скорости, с которой произошло боевое столкновение, разглядеть они смогли немного, – Доронину не надо было заглядывать в бумаги, чтобы перечислить скудные приметы неожиданного спасителя девиц. – Молодой человек, в возрасте от шестнадцати до двадцати. Одет в белую футболку и синие штаны. На ногах кеды. «Москва», изрядно потёртые. Размер сорок пятый.

– А что-нибудь кроме этой, несомненно, важной информации у нас есть? Или ты предлагаешь нам сейчас, словно сказочным принцам, схватить по паре стоптанных тапок и пойти в мир, искать свою Золушку? – Якушев говорил тихо, вкрадчиво, но от этого волосы вставали дыбом даже у казавшегося воплощением невозмутимости графа. – Скажи мне, Николай Максимович, что я, по-твоему, должен буду доложить Императору через полчаса? Что весь личный состав меряет кеды у встречных и поперечных?

– Виноват. Есть предположение, что подозр... разыскиваемый работал подсобным в одном из магазинов ближайших торговых центров. Данная версия

кажется мне наиболее перспективной и сейчас проверяется. Результат будет в течение часа. Также пытались составить фоторобот, но... – генерал-майор красноречиво покосился на Федосеева. – Поскольку потерпевшие уже отбыли домой, закончить его не удалось.

Маг по-прежнему делал вид, что происходящее его не касается. Реставрация наделила новую аристократию – магические и воинские кланы, значительными свободами, в обмен на присягу Империи и Императору лично, поэтому, забрав дочь и воспитанницу, он был в своём праве.

Особый Кодекс, под который попадали одарённые, находящиеся на госслужбе либо состоящие в «родовых объединениях», как это именовали официально, был мягок даже в отношении тяжких преступлений, если так можно было назвать миллионные штрафы, увольнение с позором со службы или полную конфискацию имущества всей семьи, независимо от того, на кого она зарегистрирована. При этом особо тяжкие нещадно карались смертной казнью так же без оглядки на былые заслуги.

Однако заниматься расследованиями в отношении данных лиц мог лишь одиннадцатый отдел КГБ. Система была громоздкая, и нередко получалось, что полиции приходилось идти на превышение своих полномочий, как, например, сейчас, самостоятельно допрашивая двух родовитых свидетельниц, потому что коллеги-смежники задерживались, а время уходило и «следы остывали».

По слухам, над реформой, позволившей бы нормально функционировать надзорному аппарату, работали уже несколько лет, но пока видимых результатов не было. Аристократы же, даже будучи потерпевшими, обычно не спешили упрощать работу следователям, зачастую рассчитывая самостоятельно поквитаться с обидчиками.

Якушев, вынужденный лавировать между поддержкой подчинённых и интересами кланов, лишь тяжело вздохнул. Ситуация бесила отсутствием простого решения. Впервые за много лет генерал-лейтенант почувствовал себя старым. И хоть было ему всего шестьдесят семь, а живой пример говорил, что одарённые и после ста не теряют бодрости и могут дать фору многим молодым, сегодня Юрий Аркадьевич ощутил, как каждый прожитый день ложится на плечи бетонной плитой. И лишь запредельным усилием воли, закалённой в ежедневной борьбе с самим собой и даром, в любой момент могущим обернуться проклятием, он сумел взять себя в руки.

– Доклад каждые десять минут. Опрос продолжайте. Шерстите не только магазины, а вообще всех, особенно на предмет нелегальных работников. Ну, не мне тебя учить! Свободен, – и подождав, пока за подчинённым закроется дверь кабинета, продолжил: – Вот скажи, Александр Павлович, как работать в таких условиях? Император требует, кланы требуют, герой этот неожиданный объявился. Кто знает, что там у него с психикой. Тридцать секунд – восемь трупов. А отвечать кому?

– Издержки высокого положения, ваше высокопревосходительство, – гость снова закинул ногу на ногу и достал платиновый портсигар. – Позвольте?

– Кури уж. И давай без чинов. То ли не с тобой мы вшу кормили под Одессой? Или к тебе, граф, теперь на козе просто так не подъедешь? А, капитан? Вон какой весь стал лощёный, ну чисто франт или мафиози итальянский. Помнишь сериал про комиссара Катани?

– Положение обязывает, Аркадьич. Я в эксплуататоры трудового народа не рвался – ты же знаешь. И когда Император на награждении спросил, чем увлекаюсь, при тебе же сдуру ляпнул, что радиоэлектроникой, – Федосеев вынул крохотную карманную пепельницу, постучал по ней папиросой и, прикурив от пальца, с наслаждением затянулся. – Вот и прикинь, вызывают меня через два дня, как ты домой уехал, к себе в резиденцию, в парадной форме со всеми наградами. Думаю, что случилось-то, вроде подвигов особых за мной не замечено, неучтённых, по крайней мере. Готовлюсь, значит, выбираю сорт вазелина... ведь у нас как? Раз не за что награждать, значит, будут дрючить, а зачастую и совместят оба этих увлекательных процесса.

Якушев поднялся, подошёл к небольшому комоду, выполненному из морёного дуба, скрывающему в себе мини-холодильник и бар. Хоть сильным одарённым, особенно магам, употреблять алкоголь не рекомендовалось, это скорее было перестраховкой. Каждый, достигший высот в одном из двух путей, контролировал себя в любом состоянии, а напиться до розовых слонов становилось просто невозможно – слишком быстро организм справлялся с опьянением. Так что маг даже не подумал отказываться от бокала кизлярского коньяка и, поблагодарив кивком хозяина кабинета, продолжил рассказ.

– Захожу, шаг печатаю так, что метрономы от зависти заикаться начинают. А меня встречает сам Император, рядом с ним Беспалов, он тогда замом

верховного главнокомандующего был, министерство только через полгода образовалось, и ещё двое, я их в тот момент только по причёскам и различил, кто мужик, а кто нет...

Он вдруг замолчал и, вздохнув, продолжил:

– ...Я-то до этого момента считал, что кимоно это то, в чём мы дзюдо занимаемся, а тут халаты какие-то и, главное – одинаковые почти, – Александр Павлович покатал в бокале коньяк, отхлебнул, затянулся сигаретой и, впервые за последнюю пару часов, как он узнал о попытке похищения дочери и воспитанницы, позволил себе немного расслабиться. – Главное, оба кланяются, и видна лишь спина и макушка, даже в лицо заглянуть нет возможности. И тут государь заявляет, дескать, коли ты у нас по разной электронике, вот на тебе завод где-то во глубине сибирских руд, вот тебе жена, с приданным в виде штата инженеров иностранных, зело умных, но по-русски не гутарящих... в нагрузку, на тебе титул графа, право основать свой клан, с гербом, дружиною и прочими привилегиями. А ежели через год первую продукцию не покажешь – голову на плаху положишь. А теперь пшёл вон, и бабу свою забери.

Федосеев ещё отхлебнул коньяка и невидящим взглядом уставился в стену. В кабинете повисла тишина. Якушев спокойно ждал, давая возможность выговориться старому сослуживцу, с которым не раз ходили вместе в атаку.

– Верись, нет, я не помню, вообще спал ли первую пару лет. Юмико... если бы не она, бросил бы всё ещё в самом начале. Никогда не поверил бы, что чужая, не говорящая по-русски женщина станет для меня самым близким человеком в этом мире. Пока я зашивался, пытаюсь адаптировать японские технологии к нашему элитному раздолбайству, да так чтобы всё работало, она стала мне и подмогой, и опорой, да ещё родила трёх детей. И когда я впервые увидел, как жена смотрит на маленькую Катьку, пообещал себе, что никто и никогда не обидит мою дочь. А тут какие-то ублюдки... среди бела дня...

Скрип зубов и испарина на лбу выдали внутреннее напряжение мага. И генерал его понимал. Прощать подобное было нельзя. Сегодня напали не просто на двух девчонок, напали на будущее Российской Империи. Так что внимание государя к происшествию было вполне оправданно. Осталось только взять тех, кто послал этих уродов, и заставить их заплатить так, чтобы весь мир понял раз и навсегда – к нам не лезь.

– Мы найдём их, капитан! Даю слово! Я лично их кишки размотаю по всем заборам в округе. Сейчас...

Юрия Аркадьевича прервал стук в дверь. На пороге возник запыхавшийся Доронин.

– Ваше высокопревосходительство... нашли... героя! Точнее, он сам пришёл в Ленинское отделение полиции.

Маг и воин одним движением опрокинули в себя остатки коньяка и поднялись на ноги. Они были готовы действовать, словно и не существовало тридцати лет относительно мирной жизни.

Глава 3

По дороге в полицию я успел накрутить себя, перебирая в голове любые возможные варианты развития ситуации, от вручения медали, как говорится, не отходя от кассы, до немедленного расстрела, как главного подозреваемого. Но, блин, к тому, что от меня просто отмахнутся, дескать, иди отсюда, мальчик, не мешай, меня жизнь не готовила. Пришлось настаивать, что я свидетель произошедшего, и уже двадцать минут я сижу на лавке, жду, когда найдётся кто-нибудь, чтобы со мной побеседовать.

Самое смешное, что за всё это время я, кроме дежурного, неотрывно висящего на телефоне, видел всего пару человек, промчавшихся мимо на скорости, сделавшей честь даже призовому арабскому скакуну. На скромно притулившегося в уголке меня – ноль внимания. Нет, я, конечно, не гордый, и подобное никоим образом не обижает, но со свидетелями кто-то же должен работать? А то с таким отношением подмывало собраться и пойти домой. Пусть ищут сами!

По счастью, подобные мысли не успели перерасти во что-то большее. Хлопнула входная дверь, и в помещение вошёл мужчина в штатском. Дежурный, на секунду подняв глаза, указал ему взглядом на меня. Вид у вновь прибывшего был, словно у человека, у которого что-то горит, заставили заниматься никому

не нужной ерундой, и с какой-то стороны я его понимал. Хвост им наверняка накрутили знатно.

– Оперуполномоченный, старший лейтенант Сиверцев. Это ты «свидетель»? Пошли, пообщаемся, но учти, парень, если меня просто так с обхода сдёрнули, то ты сильно об этом пожалеешь, – полицейский внимательно посмотрел мне в глаза, выискивая следы волнения. – Если ты просто решил прославиться – то учти, что за дачу ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность. Не ломай себе жизнь... А? Давай так, ты сейчас исчезаешь отсюда, а я делаю вид, что тут никого не было. Идёт?

– Вряд ли, – заботу я оценил, но случай был не тот. – Кстати, я и не говорил, что являюсь свидетелем. Видел, это да. Сложно не заметить тех, кого к праотцам отправляешь...

– Обувь покажи! – мужчина подобрался мгновенно, словно гончая, почуявшая кровь, и, глядя на мои новые ботинки, купленные специально для техникума, прищёлкнул языком. – Сдаётся мне – ты врёшь. Если, конечно, ты не из этих уродов, что пальбу устроили.

– Так я домой заходил. Отдохнуть, помыться, а то штормило сильно после схватки. Выложился, да и это... короче, вывернуло меня, когда адреналин прошёл, – слабо понимая, какое отношение мои рабочие кеды имели к тому, вру или нет, я тем не менее решил ответить честно. – Так что приехал в общагу, почистился, переделся, документы взял да и пошёл сюда. А, собственно...

– Просто это единственная деталь, которую запомнили свидетели. Да ещё настолько подробно. Так что можешь считать себя Золушкой, – Сиверцев хохотнул и хотел хлопнуть меня по плечу, но передумал, при этом другой рукой незаметно, как ему, наверное, казалось, показывая дежурному козу. – Пошли, что ли, пообщаемся. Расскажешь, как дошёл до жизни такой. Кстати, чай будешь? Или лучше кофе?

– Господин старший лейтенант... Я – адекватен, занимался с наставником. Просто так сложилось, что тестирование не проходил. И против визита «инквизиторов» ничего не имею, – я сразу догадался, что полицейский не впал в детство и не кидает распальцовки, а намекает на вызов бойцов одиннадцатого отдела КГБ, занимающегося одарёнными, и за это носивших такое «милое»

прозвище. – И снотворного с успокоительным мне тоже не надо. Я и так всё расскажу.

Назвать то, что происходило дальше, иначе чем цирк с конями я не могу. Начиналось всё очень даже неплохо. Мы с Антоном Евгеньевичем, так представился старлей, записали мои показания, начиная с самого утра. Опер оказался профи и очень помогал наводящими вопросами. Пару раз заглядывал начальник отделения, в чине подполковника, сказал, что доложил руководству о том, что я нашёлся, и теперь стоит ждать высоких гостей. Но приехали совершенно иные индивидуумы.

Если честно, то поначалу я подумал, что нас штурмуют бритоголовые. Но оказалось, что так, с криками, угрозами оружием и прочим, прибыла спецгруппа одиннадцатого отдела КГБ. Дальнейшее уже гораздо больше походило на допрос. Всех полицейских силой выдавили из комнаты. Я оказался под прицелом пары АШ-12. Эти штурмовые винтовки разрабатывались специально для и против одарённых. И действительно, пули калибра 12.7 миллиметра были действенны даже против Ротмистров и Адептов, что вполне укладывалось в мою легенду. А вот зачем там нужен был маг, «Магистр», нервно крутящий в руках свой ПМК, при этом сверлящий мою спину злым взглядом – было непонятно. Как и то: где я успел насолить «инквизиторам»?

С этими господами общение сразу не задалось. Я не чувствовал вины, чтобы позволять обращаться с собой как с суперпреступником. И уж тем более не стоило орать на меня и направлять лампу в глаза. Кидаться на них я, несмотря на угрозы и подначки, – не стал, просто отказался говорить. Вроде бы небольшое геройство, но когда тебе в затылок практически тычут стволом и, забрызгивая слюной, рассказывают, с каким удовольствием бы шлёпнули меня прямо тут, сдержаться очень и очень сложно.

Вот только я чувствовал, если покажу норы, то никакого адвоката, обещанного Сиверцевым, я не увижу. Скорее всего, меня упакуют и отправят в спецтюрьму для одарённых. По крайней мере, попытаются, потому что тогда мне терять будет уже нечего, ведь слухи об этом заведении ходили самые паршивые. С другой стороны, долго удерживать меня здесь и никого не пускать у этих товарищей не получится. Слишком резонансное дело, да и вряд ли старлей имел в виду «инквизиторов», когда говорил про гостей.

И стоило на пороге возникнуть генерал-лейтенанту, одним взглядом заставившего осназовцев присмиреть и вытянуться во фронт, мне нестерпимо захотелось погладить себя по голове. Мол: «умница, всё правильно рассчитал». Сейчас плохим дядям и без тебя навалают. Бить сотрудников КГБ, естественно, никто не стал. Им хватило одного рыка Якушева, а не узнать единственного в городе «Комиссара» было трудно, как, собственно, и спорить с ним. Тем более когда он обещает оторвать все не нужные части тела, в частности голову, раз её всё равно не пользуются.

В общем, не прошло и пяти минут, как порядок был восстановлен, «инквизиторы» отправились к себе, кроме того, что меня допрашивал, угрожая расстрелом и прочими ужасами. Как я понял из разговоров, именно он был инициатором «маски-шоу», решив под шумок урвать свою толику славы. Будучи оперативником с широкими полномочиями, этот индивид одним из первых получил информацию, что нашёлся участник происшествия, взял спецгруппу и рванул напрямки в отделение.

Что с ним сделали, не знаю, но примерно через минут пять вся беготня утихла, а в кабинет, где я так и сидел, зашёл Якушев и ещё один мужчина. Единственного Комиссара – воина шестого ранга, на государственной службе, в городе знали в лицо все, от мала до велика. Человек с большой буквы, который сделал себя сам. За то, что он отверг несколько предложений о переводе в Петербург и Москву, генерала уважали все, от мала до велика. Всё же воинов такого уровня в стране было не более сотни, и даже его присутствие в виде «свадебного генерала» уже добавляло статуса области. А Юрий Аркадьевич вдобавок показал себя умелым руководителем.

Однако его спутник был гораздо больше известен широкой общественности. Граф Федосеев Александр Павлович входил в первую волну новой аристократии, но славу принесло ему не это. Каждый одарённый, не важно, маг он или воин, заслуживший право создать свой клан, получал от Императора в собственность, «на кормление», так сказать, какое-либо предприятие. Природные ресурсы оставались монополией государства, а вот всевозможные заводы и фабрики обретали новых хозяев.

Вот и получил новоиспечённый нобиль в награду Бердский радиозавод, а в нагрузку жену, но не простую. Как раз в это время в Японии прошла своя Реставрация, и тэнно, вполне разумно рассудив, что если хочет сохранить страну, с американским орланом и китайским драконом ему не по пути, обратил

свой взор на русского медведя. Естественно, и тем и другим такой расклад не понравился.

Заруба вышла знатная. Две свежееиспечённые империи против остального мира. Три авианосных флота США упокоились на дне Тихого океана. На месте Южной и Северной Кореи теперь были дикие земли, рассадник анархии, пиратов и постоянный источник напряжённости. Оттуда фронт перекинулся на Китай, перерастая в полноценную воинскую кампанию. Всё это мы учили в школе на уроках новейшей истории.

А ещё что для создания наиболее тесных связей между государствами, Россия и Япония заключили ряд династических браков среди представителей новоявленной аристократии. Не избежал этого и Федосеев. Молодому магу в жёны досталась ни много ни мало младшая дочь основателя Sony – Юмико Морита, с приданым в виде технологий, штата инженеров и полноценных производственных линий.

К чести Александра Павловича, полученного ему хватило, чтобы за десять лет создать целую промышленную империю и войти в пятёрку крупнейших производителей электроники в мире, потеснив даже детище тестя. Но жил один из богатейших людей страны по-прежнему в Бердске, там, откуда начинал восхождение на пьедестал. Вот только быть здесь и сейчас он мог лишь по одной причине.

– Прежде чем вы начнёте, позвольте поблагодарить за спасение девочек, – первые же слова графа подтвердили мои выводы, а это означало, что моё положение многократно усложнилось. – Не люблю бросаться избитыми фразами, но клан и я лично готовы исполнить любое твоё желание. Просто за то, что не остался в стороне. Подробности обсудим позже, есть у меня заманчивое предложение.

– И вечно вы, аристократы, самых перспективных прямо под носом перехватываете, – Якушев нахмурился, но в голосе не было слышно недовольства. – Может, юноша всю жизнь мечтал служить в полиции? А, Кузьма? Пойдёшь к нам? Закончишь спецлицей, оттуда сразу в институт поступишь. Талантливые ребята нам нужны.

– Бла... благодарю, – я аж поперхнулся от такого напора. – Мне очень лестны ваши предложения, но я ещё не определился, чем хотел бы заниматься дальше.

– Но цель-то у тебя есть? К чему ты стремишься? Или просто плывёшь по течению?

Я невольно покраснел. Моя мечта, то, чем я действительно хотел заниматься, многим показалась бы дико наивной. Но это было единственным способом почтить память моего Наставника, пусть даже сам он, если бы узнал, постарался бы выбить подобные мысли из моей головы.

– После техникума я хотел вступить в один из отрядов наёмников, отправляющихся в украинскую Зону. Собирался стать охотником за артефактами.

– И поэтому ты связался с «Медведями»? Но, насколько мне известно, сами они даже территорию области редко покидают, всё больше на охране специализируются, – взгляд у генерала был пронзительным, точь-в-точь как у отца Алексия.

– Да нет. Там случайно получилось. Я только в город приехал и работу искал. Дома денег никогда не хватало, да и мелкие растут, на них вещей не напасёшься. Мама и так все мои старые перешила, – от воспоминаний о семье на лицо сама напозла улыбка. – Вот в спортзале и наткнулся на объявление, что наёмное агентство ищет спарринг-партнёров для тренировки групп быстрого реагирования. Мне и самому заниматься надо было, а тут ещё и деньги платить обещали. Пошёл туда. Поначалу брать не хотели, я еле уговорил устроить пробный спарринг. Побились с их Есаулом – Семёновым. Он там самый сильный воин, остальные максимум Корнеты. В общем, ему понравилось, так что меня взяли. Это уже потом я в ресторан устроился.

– На кухню. А работал грузчиком, так? – если Федосеев, услышав о моей мечте, закатил глаза и заулыбался, дескать, мальчишка, что с него взять, то генерал хоть и присоединился к веселью, смотрел всё так же внимательно, настороженно. – Опять из-за денег?

– Ага. Мне не тяжело было, а начальство ещё и еды подкидывало. Основную-то часть я домой отсылал, оставались копейки, – я постарался сделать максимально

простодушное лицо. – Не будешь же всё время одними пельменями питаться. И витамины нужны, вы же знаете, что воину постоянно надо тренироваться, чтобы уровень не упал, а значит, и кушать соответственно.

– Знаю. Не понимаю только, почему ты, с такими талантами, не пошёл в какую-нибудь секцию. Там бы и с развитием помогли, и с официальной подработкой, чтобы не приходилось быть мальчиком для битья. Уж за шестнадцатилетнего Бригадира любой сенсей отдал бы правую руку. Вон твой даже зарегистрировать тебя нигде не стал, боялся, что соблазнят и уведут в другую школу. Разве не так?

– Нет. Отец Алексей сделал это по иным причинам, не относящимся к этому разговору. – Хотя сегодня и сорвался, обычно выдержки мне было не занимать, так что на провокацию я не повёлся. – К тому же я сам попросил его не афишировать мои достижения, по личным мотивам. Да и не дорос я пока до пятого уровня. Мой предел – Есаул, и то в лучшем случае.

– Кузьма, пойми. Сейчас решается вопрос твоего будущего. Не кем ты хочешь стать, наёмником или кем-то другим, а будешь дальше жить, как человек, или окажешься в спецзаведении ведомства одиннадцатого отдела, – Якушев больше всего сейчас походил на доброго дедушку с глазами матёрого убийцы. – Так что будь добр, объясни, для чего такая секретность? Что за тайны ты скрываешь? Просто поверь, для всех будет лучше, если признание не придётся из тебя вытягивать.

– Мой отец. Он священник в Чулымском приходе. И категорический противник магии и одарённых, – я покаянно повесил голову. – Если бы он узнал... вот я и попросил Наставника никому не говорить о том, что стал воином.

– Вот видишь как просто, – генерал расплылся в улыбке, плавно перешедшей в оскал. – А теперь правду давай. Сказками будешь вон оперов кормить, да и то тех, кто поверит, лично на улицу вышвырну.

Я вздохнул. Глупо надеяться, что наспех сляпанная легенда прокатит. Якушев был матёрым волчарой, да и объяснение реально было так себе. Шпион из меня явно не получился. Но сказать правду... а, собственно, почему нет. Им надо, вот и пусть бодаются. А старого хрыча, если что, я всегда послать лесом успею. Уж он мне задолжал на две жизни вперёд.

– Дело в том, что мы уехали в Сибирь не просто так. Ещё до того, как отцу предложили возглавить Чулымский приход, у него произошёл конфликт с дедом. Собственно, тогда он и решил принять постриг. А перед этим поменял фамилию, чтобы ничего с прошлым не связывало, – я посмотрел прямо в глаза генералу. – Моего деда зовут Иван Митрофанов.

Наверное, скажи, что я инопланетный засланник, прибывший на Землю с целью разведки и последующего её захвата, мои собеседники не удивились бы сильнее. Федосеев вообще поперхнулся воздухом, едва не уронив при этом свой понтовый ПМК, и теперь пытался откашляться. Якушев оказался покрепче, но и то на его лице явно читалось удивление пополам с недоверием. Понадобились не меньше пяти минут, чтобы к ним вернулся дар речи.

– Это во многом меняет дело, – первым, как и положено, в себя пришёл Комиссар. – Понятно, откуда у тебя способности, кровь не водица. Кузьма, ты всё же подумай о службе в полиции. Составлю личную протекцию, чувствую, далеко пойдёшь. Хотя вон как Александр Павлович напрягся, будет сейчас тебе золотые горы обещать.

– Имею право. Тем более на мне долг жизни, – Магистр уже тоже взял себя в руки и принял свой обычный, невозмутимый вид. – А предложение не изменилось. Закончишь – пообщаемся.

– Да мы, собственно, уже почти всё. Только по тренеру остались вопросы, – Якушев полистал протокол первого допроса, который проводил ещё старлей. – Отец Алексей. Не одарённый. Самозванный священник Чулымского прихода. Около пятидесяти лет, худощавый, шрам на левом виске вплоть до подбородка, нет первой фаланги на мизинце правой руки. Глаза зелёные, длинные волосы, борода. М-да, негусто. Непонятно, как он сумел добиться такого прогресса. Талант талантом, а воинам тренировки жизненно важны. Каким стилем он владел?

– Не знаю. Мне как-то было всё равно, – я пожал плечами. – Знаю только, что Наставник запрещал драться, если не хочу кого-нибудь убить. Если бы не это, сегодня я бы раньше вмешался. Опешил, конечно, не без этого, но, думаю, в следующий раз, не дай бог, он случится, среагирую быстрее.

– Будем надеяться, что обойдётся без этого. Уродов мы найдём, не сомневайся. Пока давай всё же закончим с протоколом. Есть что добавить?

– А да. Не знаю, является это особой приметой или нет, у Наставника над сердцем был то ли шрам, то ли родимое пятно в виде трёхлучевой звезды. Пожалуй, всё. Больше ничего не помню.

– Ну, раз так...

– Погодите! – Федосеев что-то быстро пролистывал в ПМК, сжимая его так, что костяшки пальцев побелели. – Секунду! Вот посмотри. Это он? Твой Наставник?

На экране прибора, заменявшего магам и смартфон, и компьютер, и волшебную палочку, была открыта фотография. Не цифровая, явный скан обычного снимка, но хорошо обработанный специалистом. На ней запечатлены пятеро мужчин в военной форме. Крайним правым стоял сам Александр Павлович, ещё молодой, с капитанскими погонами на плечах. Трёх других офицеров я не знал. А вот в центре, прямо в объектив смотрел мужчина с упрямо сжатыми губами, колючим взглядом, чувствовавшимся даже через время и расстояние, и в чине полковника.

Этот взгляд я помнил очень хорошо. Им он как дюбелями пригвоздил отца к месту, когда тот заявился с требованием немедленно убираться из прихода. Я тогда ещё подумал, что неясно, кто в итоге и куда пойдёт. Но Наставник, а это был именно он, не стал обострять ситуацию, а молча собрался и тихо исчез... чтобы через пару дней найти меня и предложить помощь. А ведь к тому моменту я уже серьёзно подумывал о самоубийстве. Подвергнуть опасности маму и мелких я просто не мог, а чакры уже начали открываться, постоянно прогоняя сквозь меня дикие объёмы энергии.

Моего молчания хватило, чтобы граф, растерявший весь апломб, уселся на место и утёр трясущейся рукой пот со лба. На невысказанный вопрос генерала он ответил, выхлебав стакан остывшего чая, так и стоящего перед ним.

– Это «Варяг». Фото сделано в девяносто четвёртом. А через пару месяцев он с командой сопровождал вторую экспедицию к Киеву и пропал там. Не вернулся никто. Интересный ты человек, Кузьма. Дед – легенда, наставник – тоже. Первый Воевода в стране, – взгляд мага стал твёрдым, словно он принял сложное

решение. – Значит так. Пока не обнаружилось что-то ещё, я хочу сделать тебе предложение. Через месяц начинается учебный год. Я отправляю девочек в Москву, в Пятый Императорский магический колледж, и хочу, чтобы ты сопровождал их. Все организационные и финансовые вопросы беру на себя.

– И что я там буду делать? – Я опешил от всей свалившейся на меня информации и даже немного завис, пытаюсь её переварить. – Погодите! Вы знали Наставника?

– Я обязательно расскажу тебе о нём, но позднее. Сейчас необходимо заняться твоей легализацией. Надо будет пройти комиссию, зафиксировать твой уровень...

– А вот с этим я могу помочь. Доктора-шмактора – баловство всё это. Настоящая сила воина познаётся в бою, – генерал хитро глянул на меня, всё ещё пребывающего в некой прострации. – Давай, Кузьма, на кулачки, раз на раз. Посмотрим, чему тебя Варяг научил. Когда-то он и моим наставником был, правда, недолго.

Мне оставалось только пожать плечами. На кулачках так на кулачках. По какой-то причине я ожидал чего угодно, но уж точно не предложения смахнуть, полученного от самого начальника полиции области.

А ведь как подгадал, старый лис! И не откажешься – человек вроде бы безвозмездно услугу оказать хочет, чтобы помочь мне, непутёвому, чуть ли не на должностное преступление идёт. А на самом деле – загоняет в угол, как ту самую жирную крысу, с одним-единственным желанием посмотреть, что та будет делать – окочурится или покажет зубки. В любом случае – он выяснит всё, что ему нужно.

Тут ведь какое дело – человек, сам по себе, штука сложная, и в нашем организме всё переплетено и взаимосвязано. Именно поэтому даже самые незначительные изменения в его состоянии непременно сказываются на общей моторике, которую внимательный и умелый боец читает как открытую книгу. Причём, если приборы можно постараться обмануть, те же тесты сдать так, как нужно тебе, и даже самый умный маджи-интеллект не сможет различить подмену, то в поединке с профессиональным воином «соврать» будет очень и очень трудно.

Взять хотя бы популярные раньше секции японского карате. Стоят ученики перед сенсеем и повторяют за ним какие-то приёмы. Казалось бы, всё единообразно и удары у них одинаковые, и стойки все как у одного... а на самом деле каждый из них уникален, любое движение неповторимо, и знающему человеку сразу же видна огромная разница между всеми этими людьми.

Всегда можно сказать, кто старается, а кто нет. Оценить общий уровень подготовки, кто выкладывается до последнего, а кто целенаправленно сдерживает себя. Каково психологическое состояние бойца, не болеет ли он чем-нибудь, и даже о чём он в данный момент думает. Не в буквальном смысле, конечно, но если воин не сосредоточен и отвлекается, становится понятно, что мысли его явно далеки от боевых искусств. Ну и, конечно же, то – к какому боевому стилю человек привык, потому как тот же шпажист всегда будет двигаться немного по-другому, нежели бывший борец или боксёр, как бы мастер ни старался передать своему ученику новую для него науку.

У человека же с раскрытыми чакрами всё ещё и усугубляется тем, каким уровнем силы он может оперировать и сколько энергии привык вкладывать в удар. От этого рисунок движений претерпевает кардинальные изменения, да и вообще один и тот же вырубленный и отработанный удар у одного и того же человека разительно отличается, в зависимости от того является ли он на данный момент Юнкером, Корнетом или Есаулом.

Всё это я знал и ни секунды не сомневался, что Якушев прекрасно осведомлён о том, что Наставник должен был посвятить своего ученика в подобные тонкости. Так что отказ от поединка, под каким бы предлогом я его ни озвучил – не просто прибавил бы мне ненужных проблем, а вызвал бы вполне закономерные подозрения. То есть – полицейский прекрасно знал, что сейчас делает мне безальтернативное предложение, от которого я не смогу отказаться.

Вот и получалось, что передо мной вставали две практически несовместимые задачи: убедительно показать уровень Есаула, то бишь моторику, свойственную приложению силы от дыхания тремя чакрами, которую я давным-давно перерос, и одновременно доказать, что при этом я, такой красивый, вполне мог справиться с восьмёркой лысых уродов.

Естественно, что по пути к хоккейной коробке, расположенной недалеко от отделения полиции и явно часто используемой стражами порядка для собственных тренировок, я немного разнервничался. Нет – не оттого, что точно

знал, что даже при полной выкладке этому Комиссару я не соперник и по большому счёту шансов победить у меня никаких.

Нас разделяла огромная пропасть в опыте, и не мне, позанимавшемуся каких-то пять лет, и ещё годик поработавшему боксёрской грушей для второсортных наёмников, надеяться на что-то, выступая против такого волкодава. Я прекрасно знал, что сейчас буду огребать, и мне, скорее всего, не поможет даже полная сила, демонстрировать которую было никак нельзя. Чего-чего, а боли я не боялся, защитные техники у меня были на высоте, вот только многие из них ну никак не влезали в относительно низкую планку возможностей Есаула. И самым неприятным было то, что я настолько сросся с ними, что применял автоматически и сейчас никак не мог вспомнить, что можно использовать, а что нет.

– Ну, – устало вздохнул полицейский, ослабляя и снимая через голову галстук, после чего передавая его, фуражку и китель стоявшему рядом Федосееву. – Давай, Кузьма, не стесняйся. Покажи всё, на что способен.

– Ладно... – кивнул я, вставая напротив него.

Мужчина расправил плечи, повертел головой, разминая шею, и замер в высокой стойке, чуть согнув правую ногу и подняв руки ладонями ко мне на уровень своего лица. Похоже, Якушев был практиком какой-то системы, выросшей то ли из «Муай тай», то ли из классического кикбоксинга. Скорее всего, как и у большинства бойцов, достигших уровня Комиссара, он же её и разработал, потому как мелкие шкеты типа меня ещё не имели за душой ничего своего, для настоящего воина, с открытой чакрой Аджина, пользоваться чужими наработками было непозволительной роскошью.

Это в общем-то были последние мои мысли, после чего я привычно прекратил думать и также занял положение готовности. Высокая левосторонняя «Журавлиная стойка», как называл эту форму Наставник, и хотя из группы «Пяти Зверей» мне дался в итоге именно тигр, я не очень любил его низкие, какие-то крадущиеся перемещения. Однако искусство, на которое меня натаскивал отец Алексей, тем и отличалось от многих других рукопашных стилей, что в нём полностью отсутствовали как таковые «приёмы». Система была не спортивной, модульной, и базовые «Пять Зверей» являлись всего лишь описанием вариаций движений.

Пёс, Дракон, Журавль, Полоз и Тигр – не копировали, как то было принято в том же ушу, повадки соответствующей живности, а потому не уродовали восприятие бойца, привыкшего изображать из себя, например, богомола. Формы просто позволяли не задумываясь перестраиваться в бою и без китайских извращений ёмко описывали естественные человеческие движения, формируя из них соответствующие наборы, легко подстраиваемые под любого противника. Так что не было ничего такого в том, что кисти сами собой сжались в кулаки, ассоциирующиеся по Наставнику с «тигриной лапой».

– Хм... «Джит Кун-до», что ли, – краем сознания уловил я задумчивый голос Федосеева. – Хотя нет... не похоже. Может, Вин Чунь?

Пусть гадает. Его право. Наставник говорил мне, что не учил подобному искусству никого, кроме меня, и я ему верил.

Взвинтив восприятие и скорость, я рванулся вперёд. Якушев, мягко улыбаясь, тут же выдал пробный «лоу кик». Я даже не стал уклоняться, просто нанеся встречный удар стопой по летящей в меня со скоростью пушечного снаряда голени атакующей ноги, одновременно нанося быструю серию кулачных ударов вдоль центральной линии тела противника.

Всё это был ещё детский лепет, и полицейский, сам практически не атакуя, легко сводил на нет мои потуги, отводя атаки в сторону одной рукой, и я почти пропустил момент, когда другая плавно и как-то неторопливо опустилась мне на плечо. Только в последнее мгновение, заметив опасность, скольльзящим движением ушёл в сторону и тут же был вынужден жёстко принять очередной «лоу» и прилетевший сразу за ним высокий, похожий на маваша-гери удар, за которым последовал простенький прямой тычок кулаком.

И вот тут мне пришлось взвинтить скорость, потому как я банально не успевал защититься. Кое-как перехватив руку противника предплечьем, я прокатной защитой сдвинул его удар всего-то на пару сантиметров, и сам скользнул вперёд на возврате, заходя локтем в сверхблизкую зону и... обнаружил себя лежащим на асфальте с мастерски заломленной рукой и двумя пальцами, едва касающимися моей сонной артерии.

– Ну что же, молодой человек, – услышался надо мной голос Якушева, и я почувствовал, как он отпустил мою руку. – Очень, очень достойно... Надо

сказать, я удивлён, хотя теперь и верю, что ты ученик Варяга.

* * *

– Что скажешь, Аркадьич? Не поторопился я с этим мальчишкой? Может, он засланный казачок, уж слишком всё... вовремя. – На улице уже была глубокая ночь, и в кабинете начальника ГУ МВД Новосибирска царил полумрак. Федосеев расположился в кресле около небольшого столика, заставленного закусками, и задумчиво катал коньяк в бокале. Старые боевые товарищи, с такими разными судьбами, вернулись не так давно, занимаясь устройством будущего внезапно объявившегося воина.

– Не думаю. Неоправданно сложно для внедрения. Скорее, действительно случайность, но этим уже не мы будем заниматься. Через пару часов приезжает Куратор. Ты же понимаешь, что окончательное решение за ним? – Якушев залпом выпил спиртное и, закинув в рот пару кусочков брынзы, прожевал. – Сам парень крайне необычный, это да. Чему его успел научить Варяг, одному Богу известно. Сюрпризов у него полно, это правда. Никогда у третьего уровня я не видел такой скорости. Явно какая-то техника разработки его учителя. Знать бы ещё, что это такое. А в целом, думаю, для тебя всё неплохо получилось, ещё и в плюсе остался.

– По-твоему, я старался нажиться на произошедшем?

– Извини. Старый стал, несу невесть что, – генерал, сняв пиджак и закатав рукава на бугрящихся мышцами руках, походил скорее на викинга в самом расцвете сил, чем на маразматика, но граф не стал обострять. – Как девочки? Чего им с охраной не сиделось?

– Засранки потому что. Одну, видите ли, на свидание позвали. Вторая, естественно, бросить подругу в такой важный момент не могла, а бодигарды были лишними. Вот они и сбежали. Ничего. Юмико обещала, что ближайшую неделю спать на животе будут. А я приеду – добавлю.

– Любишь ты их, капитан, – Якушев добродушно смотрел на хмурящегося Магистра. – Ведь только грозишься. Я помню, как Катька, ещё мелкая совсем, на тебе ездила, как хотела. Вот кто самая дорогая лошадка в мире, куда там

арабским скакунам.

– Помню, помню. Мы тогда из Питера прилетели. Зайти не успели: «Апа акатай!» Ну куда тут денешься. Старшие-то уже солидные парни были, им не до телячьих нежностей.

– Средний твой, Пётр, так и намерен в Японии остаться, у деда? Или вернётся?

– Сам ещё не знает. Но говорит, куда бы ни пошёл, рядом пара-тройка девиц на выданье нарисуетса тут же, – Федосеев усмехнулся. – Посмотрим, есть варианты. Старший уже в дела вник, так что можно пока не торопиться. А Ефимов пусть будет рядом с Катей. Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 4

– Уважаемые зрители, мы продолжаем трансляцию концерта фронтовой песни! – Импозантный мужчина в костюме с отливом белозубо скалился в камеру.

– Да, и сейчас на сцене появится очень необычный коллектив! – восторженно воскликнула ведущая, вторя своему коллеге, который тут же взял слово.

– Когда-то они были популярными исполнителями, а в девяностых побывали, наверное, на всех фронтах Третьей мировой войны!

– Заслуженные боевые офицеры Российской Империи, участвовавшие в освобождении Алма-Аты и Хельсинки!

– Вместе с союзниками они защищали Иокогаму...

– С боевыми частями японских сил самозащиты отбивали атаки интервента на Хоккайдо и Курилы!

– Ликвидировали североамериканскую базу на Окинаве!

– В китайскую кампанию участники этого коллектива в первых рядах штурмовали Урумчи, Туфан и Хами!

– Именно они, рискуя своими жизнями, спасали людей из захваченных ренегатами Копенгагена и Стокгольма!

– Встречайте! Малоизвестный ныне коллектив ветеранов сцены и поля боя... «Л...» – воскликнула ведущая, но её слова заглушила подошедшая ко мне проводница.

– Через три минуты – Чулымская! – сверкая зубами не хуже, чем ведущие концерта, предупредила она меня.

Я кивнул и вновь посмотрел на экран телевизора, вмонтированного в кресло передо мной. На сцену выходили натуральные волкодавы. Даже просто по движениям я мог сказать, что мужики как минимум Ротмистры... Крепкий старик с седым ёжиком на голове взял микрофон и, грустно улыбнувшись, махнул своим товарищам. Заиграла музыка, он выждал пару секунд и запел.

– Струйкой дым понесла тишина...

Я, сняв беспроводные наушники, запихнул их обратно в паз. Концерт, который я слушал всю дорогу, мне в общем-то понравился. С детства люблю военные песни, как бардовские, так и профессиональных исполнителей. Та же «А в Одессе ныне тишина» или «Ждёт в Крыму меня краса!» в исполнении Ветковского, всегда трогали моё сердце и бередили душу. Так и представлялось, словно бы я сижу в подвале, вместе с обречёнными на смерть неведомым магом, жителями Одессы, а вокруг полыхают искажения только что появившейся зоны. Или как, сжимая в руках «калаш», сдерживаю турецкие войска в Севастополе, гадая, когда же наконец из Империи придёт подкрепление. И даже не подозреваю, что в Чёрном море сейчас идёт настоящая бойня, а русские десантные корабли под массированным магическим обстрелом гибнут, но рвутся к Крыму.

Не знаю, могли ли меня так же тронуть эти ветераны из коллектива на «Л», я слышал про них в первый раз, но времени было в обрез. Всего четыре часа мне дали пообщаться с семьёй. А там опять вокзал, поезд, Москва и, наконец, Ильинское. А ещё... я бросил быстрый взгляд за левое плечо. Мой конвоир уже

встала и смотрела так, словно бы ожидала, что я немедленно исчезну. Вроде вполне взрослая, женщина, Ауктор, то бишь маг нехилого такого, четвёртого уровня, особо приближённая к главной семье Федосеевых, а ведёт себя как маленький ребёнок!

Я ещё раз покосился на «Марину Сергеевну», как она в категоричной форме потребовала себя называть при нашем первом знакомстве. Девушка, поймав мой взгляд, нахмурилась, упрямо вздёрнув носик. Внешне ей было от силы чуть больше двадцати. Стройная, красивая и довольно высокая шатенка, старающаяся походить на настоящую бизнес-леди.

Всё было при ней: и элегантный деловой тёмно-зелёный костюм с узкой юбкой чуть выше колена, и туфли на высоком каблуке, и очки в тонкой дорогой оправе, и даже волосы, затянутые в тугий пучок на затылке. Вот только лично мне она почему-то упорно казалась вчерашней студенткой – выпускницей педагогического, совсем недавно получившей назначение в заштатную сельскую школу и вознамерившуюся на первом же уроке сокрушить сердца нерадивых двоечников. Для окончательного образа ей не хватало разве что старинного классного журнала с потрёпанной обложкой и длинной деревянной указки.

Скорее всего, всё дело было в том, что я уже успел с ней познакомиться и знал, что Марина добрая и немного неуклюжая и рассеянная девушка. Она легко увлекалась разговором или любой новой, а значит, интересной для неё темой и тут же выпадала из тщательно создаваемого ею образа. К тому же, когда до неё доходило, что что-то пошло не так, и из доминирующей над всё и вся бизнес-вумен она как-то незаметно для себя превратилась в обычную смешливую старшеклассницу, она жутко смущалась и начинала злиться на саму себя, а потому замыкалась и какое-то время дулась на весь окружающий свет.

Пусть даже она и была очень сильным Ауктором, такую растяпу вряд ли послали бы куда-нибудь в одиночку. И уж тем более следить, чтобы такой субчик, как я, не свалил по своим делам, забив на любые договорённости с главой рода Федосеевых. Да и вообще по большому счёту именно мне следовало бы следить, чтобы Марина Сергеевна по невнимательности не превратилась в «потеряшку обыкновенную», и Александру Павловичу не пришлось бы устраивать грандиозную спасательную экспедицию в чулымские болота с целью найти исчезнувшего там ценного сотрудника. Причём я был абсолютно уверен в том, что девицу в итоге конечно бы отыскали. Где-нибудь под руинами Киева в компании с такими же заблудившимися эльфами. Она – мoгёт! Это я уже

ВЫЯСНИЛ...

Именно поэтому с нами был ещё один спутник. И вот с этой персоной шутить не стоило даже мне. Настоящий старый вояка. Комиссар, как и Якушев, то бишь шестой уровень и гарантированно открытая чакра Анджна – «третий глаз». Он был уже немолод. Я дал бы ему лет шестьдесят, хотя не стал бы этого делать, имея перед глазами пример собственного деда, которому в этом году должно было исполниться сто двадцать пять лет.

Так вот этот монстр, себя он попросил называть «Куратор», собственно и был тем, кто должен посадить нас – «непутёвых детишек», на поезд в Москву, о чём прямо и сообщил мне, отозвав на «покурить» в тамбур. Причём «конвоир» Марина и пикнуть против него не смела. Да и вообще на роль моего опекуна она, похоже, назначила себя сама, а в реальности действительно оказалась молодым преподавателем основ нулевой химии и, как и я, ехала в колледж, но только не учиться, а работать.

Вообще-то она должна была лететь с Катей и Юлей орбитальным экспрессом, однако зная характер своей названной родственницы, Александр Павлович намеренно усложнил девушке жизнь. По словам Куратора, Федосеев решил, что для этого домашнего цыплёнка просто необходим небольшой период «социальной адаптации» в обществе меня, любимого. Перед тем как она встретится один на один со стаями зубастых школяров. Роль же старого волкодава сводилась к контролю за тем, чтобы мы добрались до места в целостности и сохранности, и никто нас не обижал.

Вспоминая, какое удивлённое и ошарашенное лицо было у Марины, когда вместо привычного ей кортежа в роскошный двор федосеевского особняка въехал потрепанный, выдавший виды «Москвич-Святогор», и выглянувший из опущенного окна немного прифигевший от подобной чести водила спросил: «Девушка это вы такси на два сорок к вокзалу заказывали?», я невольно улыбнулся.

Все-таки, наверное, прав был в чём-то Валера. Наша новая элита очень быстро привыкла к тому, что роскошь это не нечто особенное, а норма их существования. Вот и юная учительница никак не могла поверить, что её, всю такую из себя красивую, везут на какой-то там общественный вокзал. Чуть было не потерялась в зале ожидания и всё никак не могла понять – зачем, собственно, нам нужно покупать билеты на поезд.

До абсурда у кассы дело, конечно, не дошло. Марина вовсе не бедствовала и, когда кассирша назвала цену, протянула ей свою алмазную банковскую карту. Это уже потом, на перроне, она всё удивлялась тому, что за подобные услуги с людей взимают деньги, приводя при этом разумные, на её взгляд, доводы в пользу того, что перемещение по Империи просто обязаны быть бесплатными.

Именно там, на вокзале, к нам и присоединился «Куратор». Человек самого Императора, в зону особого внимания которого я каким-то образом попал своей выходкой. Хотя чему здесь собственно удивляться – когда практически из ниоткуда появляется вдруг шестнадцатилетний лоб, у которого вроде как в детстве обнаружили дар, затем он пропал, а нынче – «Оп!» И он свободно оперирующий дыханием как минимум чакры Манипуры. Да к тому же – прямой потомок старика Митрофанова – фигуры, породившей множество мифов в околوماгических кругах, и воспитанник не менее легендарного Варяга, рассказ о котором мне задолжал Федосеев.

О старом хрыче народная молва сочинила массу сказок, хотя, как по мне, так он был просто бесполезным вздорным старикашкой с давно поехавшей крышей, от которого благодаря его характеру сбежали все сыновья. Но это знал я, а посторонние считали его чуть ли не Великим Волхвом и живой легендой, знающей путь в Беловодье. А каких только слухов ни распространяли в сети про этого «подмосковного отшельника». Поговаривали даже, что именно он и есть таинственный «Призрак Коммунизма», суперсолдат СССР, уничтоживший в начале сорок пятого года прошлого века и «Капитана Демократию», и «Рыцаря Третьего рейха» в битве за Шамбалу.

Но я-то точно знал, что всё это пустой трёп. Да, дед действительно был участником тех событий, упоминания о которых в тот период были тщательно вычеркнуты из реальной истории Второй мировой войны всеми участвовавшими в них сторонами. Тогда ещё не пришло время, когда магия стала играть первую скрипку в судьбе нашего мира. Люди бы просто не поверили в правду, в то, что действительно ходил и бродил по Европе Призрак Коммунизма, как и в существование магов. А упоминание о том, что некоторые боевые подразделения сходились в схватках с тогдашними союзниками, и вовсе считалось крамолой. Русский и американец были друзьями на век, точнее, на пару лет до Победы над Рейхом, после которой нам не забыли поражение при Шамбале, гибель своего суперсолдата, возродившегося под другим именем, в серии популярных на Западе комиксов, и вообще стал известной франшизой. Нам – ничего не забыли и не простили, искусно сыграв на тщеславии Черчилля,

объявили его устами начало холодной войны.

«КО НКВД» – в некоторых документах того времени можно было встретить подобное сокращение. Как её только ни расшифровывали горе-исследователи, и как «карательные отряды», и как «контролирующие органы», хотя на самом деле эта пара букв, словно матрёшка, скрывали в себе другую аббревиатуру, и её следовало читать как «колдовской осназ». В Советском Союзе, как и в других странах того времени, для выполнения особых операций привлекались представители древних традиционных, так называемых «колдовских» родов. Таковым, в частности, и был мой дед.

Вот только в экспедиционном корпусе он служил капитаном. Он это рассказывал мне ещё в те времена, когда относился как к внуку, а не как к сломанной и бесполезной вещи. И по его словам – он был знаком с «Призраком Коммунизма» и очень уважал этого человека. Впрочем, «Капитан Демократия» тоже был неплохим парнем, и ему было искренне жаль, что судьба развела их по разные стороны баррикад. А вот говорить о «Рыцаре» старый хрыч напрочь отказывался.

В общем, в том, что имперская канцелярия прислала своего цепного пса, дабы он наблюдал за внезапно показавшим зубы породистым щенком – не было ничего необычного. А вот возможности Куратора неприятно удивили и означали только то, что мне не удалось убедить власти в том, что я ни рыба ни мясо. В мой третий уровень, может, и ещё и поверили, вроде бы я был вполне убедителен, значит, боялись того, что мог передать мне Наставник. Я мысленно поставил зарубку не слезать живым с Федосеева, пока он не расскажет всё, что знает о личности Варяга.

* * *

Старенький вокзал, с надписью: «Чулымская», даже будучи свежеевыкрашенным, выглядел донельзя нереспектабельно и смотрелся натуральным ровесником мамонтов. Для Марины же существование подобного глубокого совка, в который она попала, сделав всего один шаг из ультрасовременного вагона, оказалось сродни откровению свыше. Судя по её выражению лица, раскинувшийся перед ней «пейзаж» не просто впечатлил, а шокировал ранимую душу элитного цветка, который род Федосеевых бережно возвращивал вовсе не для прогулок по полудикой местности с малознакомыми мужчинами.

А на мой взгляд – всё обстояло не настолько плохо. Да, здесь было не особо много новостроя и отсутствовали здания, возведённые именитыми архитекторами, однако городок был чистым и ухоженным. Вот только, похоже, для моей спутницы это не играло ровным счётом никакой роли. Несмотря на то что всё, что она видела до сих пор, ограничивалось перроном и станционными зданиями, на её красивой мордашке читались обречённость и полное непонимание того, как она здесь оказалась.

А ведь за вокзалом, как объектом Имперских Железных Дорог всегда был особый надзор. Правда, это место не проектировалась для того, чтобы поражать воображение гостей Чулыма, а было объектом чисто утилитарным, являясь одним из ключевых узлов Западно-Сибирской железной дороги. Через станцию в обе стороны день и ночь шли сотни поездов, как грузовых, так и пассажирских. На магнитной подушке и колёсных, из пары вагонов и таких, проезда которых приходилось ждать минут по десять.

Здесь же располагалась многочисленная инфраструктура: ремонтные мастерские, склады, пакгаузы и прочее хозяйство. Неудивительно, что на различных предприятиях, обслуживающих дорогу, было занято если не половина, то треть населения города.

По соседнему пути пронёсся старенький «стовагонник», заставив поморщиться от производимого им шума. На восток поезда часто шли порожняком, длинными составами, к тому же не новомодные, бесшумно скользящие над рельсами, а старые, ещё советские, грохочущие колёсами по бесчисленным стыкам рельс. Судя по абсолютно круглым глазам Марины и той силе, с которой она вдруг вцепилась в моё плечо, подобное зрелище также было для неё в новинку. Она словно увидела живого динозавра, ну или дракона из украинской Зоны...

Двадцати с лишним лет, прошедших со дня, когда с конвейеров сошёл первый поезд на маджи-магнитной подушке, оказалось совершенно недостаточно для обновления всего парка техники, особенно с учётом постоянно растущих потребностей Империи. Тем более рентабельность старых, колёсных локомотивов и грузовых вагонов до сих пор оставалась на порядок выше. Так что пока полной замене подверглись только пассажирские составы. Да и то не все. Старые, добрые электрички по-прежнему оставались основными рабочими лошадками, как минимум в пределах Новосибирской области.

Но это знал я, почти пять лет прожив здесь, возле железной дороги и пообщавшись со многими людьми. А для тепличной магички, привыкшей к роскоши элитарного класса и видевшей окружающий мир лишь из окна дорогой машины, подобное было не то что в новинку, а вызывало когнитивный диссонанс. Ведь вроде как у нас кругом прогресс, на Луне строят базы, готовится экспедиция на Марс, а здесь – словно бы другой мир. По дорогам ездит всякая древность, окружающие – практически не следят за современной модой, и даже расписание на стене вокзала не голограммное, как в том же Новосибире, а старенький светодиодный дисплей.

И это я ещё не стал добивать её рассказом про то, что маневровые, формирующие составы, вообще работают на солярке. Она и слова-то такого, небось, не знала, а если была в курсе, что это такое, то, боюсь, девушку мы бы не откачали. Марина и так более-менее оклемалась, лишь когда мы покинули здание вокзала и направились в сторону моего дома.

Идти было не далеко. Весь городок при желании можно пройти насквозь меньше чем за час. Жили мои родители возле церкви, в самом центре Чулыма, так что пугать мою спутницу самым смаком пригородных окраин мне не пришлось. Однако, как и положено по закону подлости – если может случиться что-то неприятное, то оно обязательно произойдёт.

Единственная дорога с привокзальной площади шла мимо бывшего «ДКЖ» – Дома культуры железнодорожников. В советское время предполагалось, что там они будут отдыхать, смотреть кино и всячески просвещаться, постоянно повышая свой моральный облик. На деле же, конечно, всё вышло по-другому. Старожилы рассказывали, что ещё в конце восьмидесятых, при позднем СССР, культура пошла в каком-то неправильном направлении, однако самый ад начался сразу после августовского путча девяносто первого.

Пусть либеральная плутократия продержалась в России чуть меньше года, ДКЖ за это время успел приватизировать некий олигарх и дом культуры превратился в заурядный кабак, о котором тут же поползли самые нехорошие слухи. С приходом имперской власти злочное заведение немедленно прикрыли и здание вернули прежнему владельцу. Однако хоть там и организовали всевозможные кружки и студии, но основную славу этот центр досуга и отдыха снискал своими дискотеками, с обязательным распитием спиртных напитков за клубом и последующим мордобоем. Естественно, что такое разностороннее место быстро стало основной точкой, на которой тусовалась местная молодёжь.

Вот и теперь на его крыльце уже тёрлись трое молодых лоботрясов, то ли ещё не отошедших после вчерашнего, то ли наоборот, успевших хорошенько поправить здоровье. Самое противное, что всех этих личностей я прекрасно знал, впрочем, и они меня. И как бы мне того ни хотелось, миновать ДЖК без приключений не получилось.

– Эй! Москвич! Эй, аллё! – заводила компании по синусоиде выдвинулся вперёд и попытался изобразить нечто, должное означать залихватский свист, на деле обернувшееся шипением, орошающим окрестности зловонной слюной. – Погодь! Да стой ты – базар есть!

К моему удивлению, пара приятелей пытались задержать своего не в меру бойкого товарища, убеждая, что, дескать: «Сяпа, не надо! Да ну его на... пошли лучше...»

В какие чудесные дали звали его друзья, так и осталось загадкой, ибо Андрей Осипов, в миру известный не по имени, а исключительно как Сяпа, был категорически настроен пообщаться со мной накоротке.

Марина побледнела, быстро оценив общую неадекватность данного персонажа, и вытащила из сумочки ПМК, приготовившись биться с аборигенами насмерть. А вот Куратор, которому до этого момента всё было фиолетово, взирал на происходящее чуть ли не с восторгом. Словно бы впервые за много лет попал в зоопарк, ну или хотя бы в деревенский цирк с унылыми клоунами и дрессированными бурундуками.

Поймав свободную руку девушки, которую она уже направила на пьяных отморозков, я успокаивающе сжал её кисть и немного опустил вниз, показывая, что всё в порядке, а затем шагнул вперёд, спиной прикрывая старых знакомцев от неминуемой смерти. На удивление, будущая учительница всё поняла правильно, послушно убрала МПК и расслабилась.

«М-да, – подумалось мне. – Тяжело ей придётся...»

– Здорово, Москвич! Вернулся, значит. А я-то думаю, чой-та тебя не видно. Может, случилось чего... Да отстань ты! – последнее предназначалось Лысому, другу и соратнику, всё ещё пытавшемуся оттащить Осипова от меня. – Сеструху

вот твою спрашивал, говорит, ты в Новосибе уехал учиться.

– Ну, здорово, Сяпа. А с чего вдруг такая трогательная забота? – я внимательно посмотрел на троицу, превратившую мои первые годы жизни в Чулыме в настоящий ад. – Да, сразу предупрежу. На будущее: узнаю, что до моих родных докапываешься – живьём зарюю.

– Ты это... ты чего, Москв... э-э, Кузьма! Я ж это, чисто так. Да я не в жизнь...

– Ага, как же. Прекрасно помню, как вы мне устраивали эту «невжизнь», – ухмыльнулся я, и буквально затылком почувствовав интерес девушки, специально для Марины пояснил: – Мы тогда сюда только переехали, я заниматься начал. Чакры открыл очень быстро, а вот с остальным была беда. Особенно с применением силы. Вот эти уродцы пару лет и отрывались, в то время как я им даже ответить не мог. Боялся зашибить болезных. Зато, когда с контролем стало получше, вот тогда мы пообщались... правда, Сяпа? Помнишь тот день?

Судя по тому, как троица дружно протрезвела и побледнела, события полуторалетней давности ещё не выветрились алкогольными парами из их дурных голов. Вообще, данных индивидов смело можно было заносить в книгу рекордов Гиннеса, как самых везучих отморожков в мире. Ведь описывая девушке ситуацию, я сильно лукавил.

В те дни из-за издевательств я был близок к самому настоящему срыву и периодически почти подходил к той черте, за которой меня ждал разрушительный шторм сансары. Если бы не мой мудрый Наставник, то вместо одного случайного трупа, в Чулыме могла бы появиться новая «Зона»... не хуже украинской. Так что, думаю, я был вполне справедлив и милостив, когда устроил им день покаяния. Прогнал голышом через весь город, при этом заставляя просить прощения у каждого встречного, в том числе и у офигевшего от подобного зрелища участкового.

Неудивительно, что после этих воспоминаний желание общаться дальше у ребят улетучилось. Однако просто сбежать, да ещё и перед красивой девчонкой, в их понимании было совсем «не по-пацански». Парням обязательно требовалось оставить за собой последнее слово.

– Эх ты... Мы к тебе как к земеле, а ты... Мы ж тебя так жизни учили! В одну школу ходили... – Для окончательного образа обиженной невинности Сяпе оставалось только всплакнуть.

Тем не менее он в сердцах махнул рукой, и компания удалились обратно к крыльцу ДКЖ, горестно вздыхая о своей тяжёлой судьбе и людской неблагодарности. Мы же, проводив взглядом троицу закадычных приятелей, отправились дальше, благо идти оставалось немного.

Машинально перекрестившись на храм, я зашагал по засыпанной гравием дороге. Обойдя небольшой садик и огороженные невысокой изгородью огороды, я пару секунд помедлил, а затем решительно зашёл в приветливо распахнутую калитку и оказался перед домом, что со скандалом покинул всего-то год назад. Калиброванный кругляк, из которого было построено здание, за прошедшие пять лет потемнел, и теперь, в ярких лучах августовского солнца, казался грязно-бежевым, а потому сильно контрастировал с беленькими, свежескрашенными наличниками и распахнутыми ставнями, за которыми колыхались нежные тюлевые занавески.

Невысокая двускатная крыша, покрытая красной металлочерепицей, слегка выцвела. Ветер нанёс на неё сору, не похоже было, чтобы после моего отъезда ею кто-нибудь занимался, что, впрочем, неудивительно.

– Ты здесь живёшь? – с лёгким удивлением спросила Марина, осматривая вытопанный внутренний двор, стоящую под навесом старенькую «Ладу-Калину», развешенное на верёвках стирание белья и разбросанные то тут, то там детские игрушки.

– Я здесь жил, пока не поступил в техникум, – ответил я. – А что?

– Ну, – девушка немного смутилась, – я просто думала, что... А тут...

– Ну да. Тут у нас вот так, – хмыкнул я. – Это вам не роскошная загородная дача тайного олигарха.

– Да я не... – хотела было что-то ответить Марина, однако в этот момент из сарая вынырнула кудрявая девочка лет двенадцати, держа в руках большой металлический таз, и застыла на пороге, увидев незваных гостей.

– Кузя? – словно бы не веря своим глазам, воскликнула она.

– Привет, Мань, – я улыбнулся младшей сестре. – Родители дома?

– Братик! Кузя приехал! – Таз с грохотом полетел на землю, а визжащий от радости ураган сию же секунду оказался у меня на шее.

Потрепав по кудряшкам сестрёнку, я был немедленно атакован ещё двумя выскочившими из дома младшими братьями. И почти сразу же к нам присоединился забавный щенок, похоже, помесь немецкой овчарки и колли, который, пища, словно игрушка, принялся прыгать вокруг, не очень понимая причин всеобщего счастья, но непременно желая присоединиться к веселью. И тут же улыбка сползла с моего лица.

На крыльце появился отец. Невысокий лысеющий мужчина в тяжёлых роговых очках с редкой, неопрятной бородой и кустистыми бровями. Как всегда, он был одет в свою чёрную повседневную рясу, а на груди висело крупное распястье.

Стоило ему увидеть меня, в окружении братьев и сестры, как на лицо его набежала тень. Не удосужившись даже поприветствовать своего блудного сына, он развернулся и скрылся в доме. Разве что дверью не хлопнул. Почувствовав неладное, дети притихли. Аккуратно опустив Маньку на землю, я поморщился. Тяжёлого разговора мне было не избежать, ведь частично из-за отца я и вернулся в Чулым, и мне крайне не хотелось бы, чтобы эта кратковременная встреча закончилась очередным грандиозным скандалом. Так что, загнав поднимающееся из глубины души раздражение в самый дальний угол, хотел было уже последовать за ним, как на плечо мне опустилась рука Куратора.

– Тебе лучше подождать здесь, – не терпящим возражения голосом произнёс он и, подмигнув в ответ на мой удивлённый взгляд, направился в дом.

– Кузь, – Маша, на правах старшенькой среди собравшейся вокруг детворы, подёргала меня за рукав. – А кто это?

– Этот-то? – задумчиво произнёс я, глядя как Куратор исчезает в темноте прихожей. – Это, Маня, человек самого Императора.

- А...

- Ой! - раздался за спиной встревоженный голос матери, и я обернулся. - Кузьма! Я так и знала, что что-то случилось!

Она вместе с Аней, ещё одной моей сестрой, которая была на полтора года младше, остановилась перед воротами. Обе держали в каждой руке по пакету из соседнего супермаркета и смотрели на меня, а я на них.

- Здравствуй, мама. Привет, Ань, - я улыбнулся, потрепав маленького Серёжку по волосам. - Всё нормально! Вы сами-то как?

Анька промолчала. Она как обычно смотрела на меня букой, хотя не похоже было, чтобы собиралась немедленно начать ругаться. Как минимум не при посторонних, видимо, рассчитывала на то, что я приехал надолго и ещё успеет отвести душу.

- Да как обычно, - недоверчиво произнесла мама, продолжая вглядываться мне в лицо, и вдруг нахмурилась. - Сынок, зачем ты меня обманываешь?

Да, скрыть от моей матери что-либо было не под силу ни одному человеку. И ведь знал, что так будет, а всё равно соврал, но тут уж ничего не поделаешь. Отвык я за прошедший год от всего этого и совсем забыл, каким непростым человеком была эта миловидная, хрупкая и покладистая женщина.

- Сейчас всё хорошо, - упрямо сказал я.

- А кто твоя гостья? - мама перевела взгляд на девушку, и дипломированный маг четвёртого уровня, покачнувшись, отступила на несколько шагов, удивлённо уставившись на мою родительницу, которая вдруг заулыбалась. - Не слишком ли взрослою невесту ты себе нашёл? А, Кузя?

- Но я не... - начала было Марина и замолчала, всё ещё не в силах справиться с оказываемым на неё воздействием.

- Мам! - одёрнул я её. - Перестань! В конце концов, это просто неприлично! Позволь тебе представить Марину Сергеевну Федосееву-Луцкую. Мою будущую

учительницу. Марина Сергеевна, познакомьтесь. Это Татьяна Андреевна Ефимова – моя мама.

– Вот даже как? – протянула родительница, продолжая улыбаться, но тем не менее отпуская сознание девушки. – Что ж. Очень приятно, Марина Сергеевна! Давайте пройдем в дом, и вы мне всё-всё расскажете...

– Нам лучше подождать здесь... – неопределённо возразил я, покосившись на крыльцо.

– Даже так? – Мама удивлённо посмотрела на окно в общую комнату.

– Кузя! Кузя! – подёргал меня за рукав семилетний Андрейка. – А ты гостинцы привёз?

– Ну а как же! – улыбнулся я и полез в свою спортивную сумку, бросив быстрый взгляд на ошарашенную Марину, которая никак не могла понять, что с ней только что происходило.

* * *

– Василий Иванович? – Куратор, не останавливаясь, пересёк прихожую и без приглашения вошёл в общую комнату. – Или может лучше отец Адриан?

Священник, настоятель местного храма, родной отец поднадзорного юноши, закрыл ящик тумбочки и, недружелюбно посмотрев на гостя, пробасил:

– Кто вы такой, по какому праву вламываетесь в мой дом?

Куратор только улыбнулся и вместо ответа достал красную корочку удостоверения, протянув её святому отцу, а затем небольшой амулет, который снял с шеи. Священник недоверчиво взял документ, мазнул по нему глазами, но стоило ему увидеть украшение, как он тяжело сглотнул и застыл, буквально пожирая побрякушку взглядом. Гость тем временем по-хозяйски уселся за стол и вполне естественно, словно так оно и было положено, жестом пригласил владельца дома устраиваться напротив.

– Вот оно, значит, как, – пробубнил себе под нос священник, тяжело опускаясь на самодельную табуретку. – Так, значит...

– Да, – слегка улыбнувшись, подтвердил куратор. – Всё именно так.

– А можно... – неуверенно, словно бы не он был хозяином в этом доме, Василий Иванович посмотрел на один из шкафчиков.

– Можно, – согласно кивнул гость, но тут же уточнил: – Только увлекаться не стоит.

– Да я так-то непьющий, – выдавил из себя священник, доставая из-за сложенного и выглаженного белья бутылку с самогоном и гранёный стакан. – По большим праздникам, если что, и...

– Что ж тогда по углам прячете? – изогнул бровь Куратор.

– Так не для меня стоит, – ответил хозяин, щедро, пальца на четыре, приснув коричневого пойла, тут же выпил всё залпом и крякнул, что заставило гостя усомниться в его словах. – Для дела это. Для мирян, кои без зелёного змия себя не мыслят и слов верных не понимают.

– Ладно, Василий Иванович. Не стоит оправдываться, давайте лучше перейдём к делу.

– Я вас внимательно слушаю, – тяжело вздохнул священник, пряча бутылку и возвращаясь на свою табуретку.

– Нет, это я вас слушаю, – улыбнулся Куратор, – но для начала...

Он положил на стол небольшой серебряный кейс, раскрыл, покопался в нём и достал кожаную папку, украшенную вензелями. На стол перед священником легла гербовая бумага из имперской канцелярии, он даже не стал её читать, выжидающе глядя на гостя. Тот, едва заметно усмехнувшись, положил поверх неё две незаполненные формы для церковных записок, красненькую «За здравие» и зелёную «За упокой», которые Василий Иванович тут же убрал в верхний ящик ближайшей тумбочки.

– Знаете, что с ними делать? – на всякий случай поинтересовался гость.

– Знаю, – утвердительно кивнул его собеседник и нахмурился, взглянув, наконец, на предписание из канцелярии. – Скажите, бра...

– Зовите меня Куратор, – посоветовал ему представитель Императора.

– Скажите Куратор, – повторил отец Адриан. – Я могу ответить – «нет»? Я не хочу, чтобы мой сын хоть как-то был связан с этой проклятой магией! От Сатаны она, а его путь я вижу по моим стопам...

– Василий Иванович, вы же лишены дара? – поинтересовался гость так, словно бы не знал ответа.

– Бог миловал! – священник перекрестился.

– В таком случае вы же должны знать «правила»?

– Раны бесовские у моего сына – наживные! Я имею право...

– Чакры, Василий Иванович. Или по-церковному – «стигмы». Отец Адриан, вы же не хотите, чтобы вас обвинили в нарушении канонов и еретических речах? К тому же, как показали тесты – они врождённые, так что я вам очень рекомендую не усугублять ситуацию.

– Но...

– Василий Иванович, вы меня, кажется, не поняли, – немного расстроено покачал головой Куратор. – Просто примите к сведению, что о чакрах вашего сына мы осведомлены. Что с ним не так, и почему они работают в неестественном ритме, постепенно выясним, а от вас в первую очередь я хотел бы услышать, по какой причине вы, тогда ещё Юрий Митрофанов, прекрасно зная о его даре, не поставили в известность компетентные органы. Чего вы добивались? Рекомендую отвечать предельно правдиво. Митрополиту Новосибирскому и Бердскому и так пришлось лично вмешаться в это дело, чтобы конкретно с вас сняли обвинение в укрывательстве...

- Значит, отказаться я не могу? – насупился отец Адриан, словно бы не слушая гостя.
- Нет, не можете, – холодно подтвердил Куратор. – Как человек, не имеющий врождённого дара, вы не имеете права распоряжаться судьбой одарённого сына. Его деми-опекуном станет либо его дед – Иван Митрофанов....
- Только не он, – почти взревел священник, поднимаясь и нависая над столом.
- ...либо род Федосеевых, – Куратор, казалось, даже не заметил этой вспышки, – который уже подал соответственно оформленную заявку на деми-опекунство над несовершеннолетним активантом.
- Почему не один из моих одарённых братьев? – сипло спросил Василий Иванович, грузно опускаясь на своё место.
- Основатели новых магических родов не являются более членами старого образования, – просветил его собеседник. – Они, может быть, и кровные родственники, но права распоряжаться судьбой несовершеннолетнего не имеют.
- Так Федосеевы нам вообще никто! – возмутился отец Адриан.
- За ними долг жизни. При других обстоятельствах мальчику предложили бы войти в род на правах одного из наследников. Граф Александр Павлович и так на уступки пошёл, – пожал плечами Куратор. – Они действуют в рамках имперских законов. В любом случае остаётся ещё ваш отец.
- Только не он... – устало повторил священник.
- Вот мы и хотим узнать, что между вами произошло и что случилось с Кузьмой?
- Ладно, слушайте...

Поезд плавно поднялся в воздух и пол слегка качнулся. Что-то тихо загудело, и звук, прокатившись от локомотива к последнему вагону, затих. Я уже привычно ощутил, как где-то под ногами толчками пробегают постепенно нарастающие волны силы. Перрон за окном медленно поплыл назад, всё быстрее и быстрее убегая вместе со всеми своими зданиями от погнавшихся за ними складов и хозяйственных построек.

Сетку на окна ещё не опустили, поезд начнёт набирать скорость, только отъехав километров на десять от города, а потому я без опаски высунулся в приоткрытую верхнюю секцию и, облокотившись на раму, думал о своём. С отцом я так и не пообщался. Поговорив с Куратором, он сел в старенькую «Ладу» и укатил куда-то, даже не перекинувшись парой слов с проводившей его тяжёлым взглядом матерью.

А вот ей мне пришлось рассказать всё, что произошло не только недавно, но и за весь предыдущий год. От слова совсем. Обычно, когда мама, вместе с младшенькими, приезжала ко мне в общагу, я ещё умудрялся как-то выкрутиться, скармливая заранее подготовленные байки. Сегодня же меня зажали по полной, словно раскалёнными клещами вытягивая правду. Тут уж не спасали никакие техники НЛП и прочих аутотренингов, с помощью которых я заставлял себя поверить в реальность своих слов, ведь иначе урождённая телепатка в секунду раскалывала любую ложь.

Мама, не стесняясь, плакала, выслушивая то, как я на самом деле жил в Новосибирске. Что присылаемые в семью деньги были не повышенной стипендией, а зарабатывались честным трудом на подсобных работах и в качестве мальчика для битья. Когда же речь пошла о событиях последних дней, она, смертельно побледнев, молча встала, подошла ко мне и обняла с такой силой, что казалось, ещё чуть-чуть и затрещали бы кости. А потом резко отпустила и почти бегом скрылась в доме.

Из динамиков раздалось предупреждение о закрытии защитной сетки. Вынырнув из воспоминаний, я, тяжело вздохнув, отошёл от окна и, прислонившись спиной к стене, закрыл глаза, чувствуя, как тёплый ветерок, проникая внутрь вагона, мягко касается моего лица. Стоило лишь отрешиться от прошлого, как тут же навалились размышления о неопределённости, что ждала впереди. Магнитка везла меня к зыбкому, неясному будущему и вместе с тем возвращала в места, казалось, оставленные навеки позади. Хотел ли я становиться юристом? Изучать применение особых разделов гражданского и

уголовного права? Ответ на этот вопрос был сложным.

С одной стороны, не лежала у меня душа к подобному, какие бы грандиозные перспективы передо мною ни открывались. Кем бы я мог стать, покорно приняв путь, выбранный посторонним человеком? Адвокатом для аристократии? А может быть, спецпрокурором или вообще грандсудьёй? Весьма возможно, всё же я был не настолько глуп, чтобы поверить в безвозмездную помощь со стороны Федосеева. А ведь он подсуетился и из своего кармана оплатил моё обучение, и не где-нибудь, а в Ильинском, в колледже, входящем в «золотую десятку» – элитном заведении для детей аристократов и дворян, да ещё и назначил пенсию моей семье. С такой поддержкой карьера мне была бы обеспечена. Если, конечно, что именно его суд определит моим деми-опекуном.

Хотя почему «если»? Уверен, промышленник действовал наверняка, ведь решение обязана принимать инстанция по месту проживания, и если старый хрен не впишется в это дело, то других кандидатур попросту не было. К тому же наверняка все риски были минимизированы. Подобные расходы для Федосеевых сущий пустяк, да и дело не в деньгах. В общем-то этот проклятый аристократ всё просчитал верно... цепи долга, особенно если он не материальный, крепко-накрепко привяжут меня к его роду, а уж он постарается сделать так, чтобы расплатиться я смог очень и очень нескоро. А там как говорится: либо ишак помрёт, либо султан...

С другой стороны – мог ли я отказаться? Нет – не мог, если, конечно, не хотел, чтобы меня взяла в оборот Имперская Канцелярия. Так оставались хоть какие-то шансы на нормальную и, возможно, интересную жизнь, а после совершеннолетия можно было даже и попробовать избавиться от навязанной опеки. Альтернативой же маячил «Особый корпус для одарённых», о чём мне непрозрачно намекнули и Якушев и Куратор. Об этом государственном военизированном воспитательном учреждении для особо трудных подростков, наделённых даром, ходило много слухов. И в основной своей массе они были плохими. Обычно туда попадала молодёжь, успевшая за свою короткую жизнь не просто набедокурить, а совершить особо тяжкое преступление. Да и «дикари», признанные недостаточно адекватными, частенько оказывались в этом «весёлом» заведении.

В вопросе одарённых, с точки зрения Империи, не существовало каких бы то ни было смягчающих обстоятельств, вроде «самозащиты». Ребёнок, однажды при помощи своего дара убивший человека, пусть даже преступника, помечался как

социально опасный, ведь если сегодня он не смог вовремя остановиться и заслуженно покарал негодяя, то кто может дать гарантии, что завтра он не лишит жизни невинного? Тем более что за ним не стоит сильный род, который может проконтролировать, воспитать или, если нужно, остановить и наказать.

А вот с этим было сложно, если ты не родился в клане. Аристократы давно уже не хватают всех одарённых подряд. Это лет тридцать назад, сразу после Реставрации, родиться с открытой Муладхарой означало заведомо обеспечить себе блестящее будущее, а сейчас... воины первого и второго уровня «господам» просто не нужны. Своих хватает с избытком. Даже неофитов – магов с одной чакрой, рассматривают чуть ли не под микроскопом, так, словно бы желают найти хоть какой-нибудь изъян, чтобы дать немедленный отказ. Собственно, именно из-за этого я и постарался прикинуться Есаулом, правда, благополучно забыв о грозящем мне Корпусе.

Так что Федосеев припёр меня к стенке, ненавязчиво предложив отправиться в Ильинский колледж, якобы присмотреть за его девочками, коль я уже один раз выступил их рыцарем на белом коне. Ну и конечно, деми-опекунство, которое он, вроде как от чистого сердца, предложил оформить, будто бы в благодарность и чтобы спасти от незавидной участи. Мне же пришлось сделать вид, что я поверил в благородство аристократа, потому как гнить в исправительном учреждении, с клеймом на всю оставшуюся жизнь – совершенно не хотелось.

С шуршанием отворилась дверь купе, и я открыл глаза. На пороге стояла задумчивая Марина, как-то обеспокоенно смотревшая на меня.

– Ты чего? – мне стало немного интересно, что на этот раз удивило «оранжерейный цветок» Федосеевых.

– За тебя переживаю, – девушка старалась выглядеть серьёзной леди. – Ведь как учитель, я обязана следить за подопечными, а тут видишь, как получилось...

– Да что произошло-то?

– Понимаешь, – она растерянно обернулась и посмотрела в отведённое нам купе, роскошное, с отдельным санузлом и мягкими диванчиками, трансформирующимися в настоящие полутораспальные кровати. – Видимо, произошёл какой-то технический сбой в автомате. Я билеты брала на двоих, а

номер нам почему-то дали один, да и тот какой-то неказистый. Вот я и пытаюсь придумать, где же тебя спать-то положить.

– Марин, ты чего? – я даже удивился. – Это же двухместный СВ! Выбирай себе любую кровать, а я на другой...

– Как на другой! – она аж побелела, а затем покраснела, словно спелая помидорка. – Я... Я не могу так! Кузя! Я же твоя учительница! И нам нельзя! И у меня... это... Жених есть! Да, жених! Так что вот, это вот всё – нехорошо. И к тому же я знаю тебя всего один день.

– Ты чего там себе уже надумала? – я прилагал титанические усилия, чтобы не заржать, глядя на всё сильнее смущающуюся «грозную» магиню.

– Ну, это... – девушка потупилась, теребя подрагивающими пальчиками пуговку, и забормотала всё тише и тише: – Я в одном кино видела и читала много. И везде, понимаешь, везде было, если мальчик с девочкой остаются одни в комнате...

Что она там ещё говорила, я уже не слышал, потому что, отвернувшись, упёрся лбом в оконное стекло и содрогался от беззвучного смеха. Вот только наивная учительница восприняла всё по-своему, и я почувствовал, как на плечо легла её лёгкая ладошка.

– Ну что ты, Кузь! Ну не плачь! – заворковала она. – В твоём возрасте это нормально... но ты пойми, даже если бы я не была твоей учительницей, у нас бы всё равно ничего не получилось! Тебе ведь всего лишь шестнадцать, а мне уже двадцать два! Так что выше нос, поверь мне как более опытной, у тебя ещё всё впереди! Да пойми, глупый! Ведь это ненормально, когда юноша и девушка не женаты, а спят в одной комнате! Сам посуди, вот родится у нас маленький, и как мы будем потом смотреть в глаза твоей маме? Так что не волнуйся, я сейчас пойду к начальнику поезда и прикажу ему выделить для тебя самый лучший номер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/shapochkin_aleksey/varlok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)